Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Институт
истории
Комакадемии

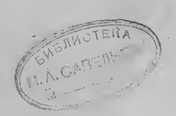
Москва в октябре 1917 года

1934 моспартиздат

Институт
истории
Комакадемии

москва в октябре 1917 года

Воспоминания красногвардейцев, участников октябрьских боев, со вступительной статьей и под редакцией О. Н. Чаадаевой

1-й экз.

моспартиздат 1934 г.

Предисловие

Дни героической борьбы за власть — одна из славных и боевых страниц истории российского пролетариата — будут всегда приковывать к себе внимание и вызывать неослабевающий интерес со стороны не только широких масс рабочих и колхозников Советского союза, но и трудящихся капиталистических стран. Поэтому громадное значение всегда будут иметь рассказы и воспоминания даже самых рядовых участников Октябрьской революции.

Настоящий сборник представляет собой ряд извлечений из воспоминаний рабочих-красногвардейцев, активных участников октябрьского восстания в 1917 г. в Москве.

В этих воспоминаниях отражены организующая и руководящая роль партии большевиков в восстании, героизм и энтузиазм рабочего класса и руководимых им масс вооруженного крестьянства.

В сборнике помещены воспоминания красногвардейцев Замоскворецкого, Симоновского, Благуше-лефортовского, Сущевско-марьинского, Сокольнического и Хамовнического районов. Обращают на себя внимание коллективные воспоминания мастяжартовцев и воспоминания солдат старой армии, бывших рабочих Тулякова и Яцковского, рисующие роль рабочего-солдата в революционной борьбе в период между февралем и октябрем, а также и в самом восстании.

Публикуемые воспоминания извлечены из красногвардейского фонда Института истории Комакадемии и представляют собою весьма незначительную часть последнего. При подготовке сборника к печати были подвергнуты проверке основные факты и даты, приводимые в воспоминаниях. Сборник составлен и отредактирован О. Н. Чаадаевой, доработка материала по заданию редакции и проверка фактов и дат проведены М. К. Рожковой.

В порядке обобщающего введения воспоминаниям предшествует статья О. Н. Чаадаевой на тему «Октябрьское восстание в Москве», дающая общую картину восстания в Москве и характеризующая роль в нем отдельных районов. Отзывы о сборнике редакция просит направлять по адресу: Москва, Волхонка, 14, Институт истории Комакадемии, комн. 401.

Октябрьское восстание в Москве

Москва накануне Октября являлась одним из двух основных и решающих пунктов, где прежде всего должен был быть осуществлен захват власти пролетариатом.

Уже в дни созыва «демократического совещания», в сентябре, Ленин писал, что вопрос заключается в том, чтобы на очередь дня поставить завоевание власти, вооруженное восстание в Петрограде и Москве.

Ленин считал, что Москва может начать даже первой. Объявив себя вместе с Петроградским советом властью, она своей бескровной победой может помочь успеху вооруженного восстания в Петрограде. Но Ленин в то же время указывал:

> «Если нельзя взять власти без восстания, надо *итти на восстание* тотчас» [1].

Ленин был беспощаден в отношении тех, которые взятие власти хотели обязательно связать со съездом советов (Троцкий и др.).

> «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд советов, отказаться от предвзятой мысли непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на разъяснении массам неизбежности восстания и на подготовке его... Связывать эту задачу (взятие власти. — *О. Ч.)* непременно со съездом советов, подчинять ее этому съезду — значит *играть в восстание,* назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто «резолюцией» съезда советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат *своей силой»* [2].

Особенно добивался Ленин того, чтобы в партии был усвоен взгляд на вооруженное восстание как на искусство, как на «особый вид политической борьбы, подчиненной особым законам». Основные положения Маркса по вопросу о восстании Ленин резюмировал в следующих строках:

> «1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *итти до конца.*

[1] Ленин, Письмо в ЦК и МК РСДРП (б), Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 266, изд. 1-е.
[2] Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 268—269, изд. 1-е.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление.* «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «*моральный перевес*»[1].

Опыт восстания в Петрограде и Москве самым определенным образом показывает, что успешнее всего оно протекало там, где при его подготовке и проведении были полностью реализованы ленинские указания о вооружении пролетариата, о работе среди солдат, о борьбе за влияние в советах, об овладении в момент захвата власти решающими пунктами и центрами, о тактике стремительного наступления и сохранения за собой морального перевеса в борьбе.

Наиболее полного осуществления этих указаний добился Петроград, где была проделана значительная работа по вооружению и обучению рабочих, где большевистское влияние среди солдат было весьма прочным, где совет рабочих и солдатских депутатов стал на большевистские позиции задолго до захвата власти, где полностью был осуществлен ленинский план восстания путем обеспечения четкости руководства со стороны основных боевых революционных органов. Это оказалось здесь возможным потому, что мероприятия, проводившиеся под непосредственным руководством Ленина и большинства ЦК, совершенно исключали какое бы то ни было влияние со стороны правых элементов партии.

Не только организационно-политическая, но и военно-боевая подготовка восстания была доведена в Петрограде до самого высокого уровня. Созданный 16 октября после решения ЦК о захвате власти при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов оперативно-боевой штаб по осуществлению восстания — Военно-революционный комитет — обладал в лице вооруженного пролетариата и гарнизона мощной боевой силой. Многотысячный вооруженный гарнизон был на стороне ВРК. Последний овладел Петропавловкой. Вооруженные красногвардейцы (до 10 — 12 тыс.) в боевой готовности только ждали сигнала ВРК. Был разработан четкий план вооруженного восстания и соответственно намечено было выступление сил и осуществление всех важнейших мероприятий по захвату власти. Благодаря твердому ленинскому курсу на восстание и учету

[1] **Ленин,** Советы постороннего, Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 270, изд. 1-е.

всех важнейших элементов подготовки его в организационно-политическом и военно-техническом отношении восстание осуществляется в Петрограде с исключительной планомерностью и стремительностью.

Этих качеств мы как раз не имеем в восстании в Москве. Восстание в Москве приобрело более затяжной характер и отличалось, особенно вначале, меньшей планомерностью.

Московская большевистская организация развернула в 1917 г. огромную работу среди рабочих, солдат и крестьян в Москве и во всей области. Она шла к Октябрю, имея на своей стороне сочувствие и поддержку пролетариата и основных масс деревни.

Первой внушительной победой большевиков в Москве была 400-тысячная забастовка московских рабочих 12 августа, в день Московского государственного совещания. 5 сентября Московский совет рабочих и солдатских депутатов впервые принимает развернутую большевистскую резолюцию. Московские большевики с момента VI съезда партии ведут работу по сплочению масс под лозунгом вооруженного восстания.

С первых дней корниловского выступления они самым решительным образом ставят вопрос о борьбе с контрреволюцией и о вооружении пролетариата.

> «1) Немедленное вооружение рабочих и солдат;
> 2) энергичные массовые аресты контрреволюционеров, в особенности центров кадетов и их военных организаций;
> 3) закрытие буржуазных газет и конфискация их типографий;
> 4) освобождение всех арестованных большевиков;
> 5) урегулирование продовольственной и жилищной нужды», — читаем мы в резолюции МК того времени [1].

Все эти требования были подхвачены массами и стали основными во всех резолюциях, принимавшихся на предприятиях и в казармах. 3 сентября под давлением большевиков и идущих за ними масс рабочих исполнительным комитетом советов был утвержден устав Красной гвардии. Небольшие группки вооруженных рабочих, преимущественно большевиков, обрастают теперь сотнями рабочих, стремящихся вооружиться и подготовиться к решающему бою. Делегации рабочих обращаются в совет с требованием оружия для вооружения возможно более широкой массы рабочих. Большевики приобретают твердую опору в советах.

Состоявшиеся 19 сентября перевыборы дали большевикам перевес в исполкоме совета рабочих депутатов (из 60 мест большевики получили 32).

В Городском районе большинство голосов большевистская резолюция собрала в конце сентября. В Благуше-лефортовском районе при перевыборах исполкома большевики получили 63%

[1] «Социал-демократ» № 198.

голосов и провели 13 кандидатов из 20[1]. Сокольнический совет резолюцию о вооружении пролетариата принял в сентябре. Исполком здесь был переизбран перед октябрьскими днями. В состав его вошло 9 большевиков, 4 меньшевика и 2 эсера. В Хамовническом районе совет был переизбран в сентябре, исполком — в начале октября.

Перелом в сторону большевиков становится повсеместным. На состоявшихся 24 сентября выборах в районные думы большевики получают 49,3% всех поданных голосов. В Сокольнической районной думе из 40 мест большевики получили 21; в Хамовнической — из 47 мест они завоевали 26, управа здесь составлялась почти сплошь из большевиков; в Пресненской районной думе большевики имели 19 депутатских мест из 40.

Особенно значителен был перелом в настроениях солдат, отдавших за большевиков во время выборов в районные думы до 90% голосов. Рост сочувствия к большевикам явился результатом работы военного бюро при Московском комитете, которое уже к июню имело сеть большевистских ячеек в гарнизоне, завербовав в ряды своей организации наиболее революционную часть солдат. Особенно активная работа проведена была в 193 и 55-м пехотных полках (над последними взяли шефство рабочие завода Михельсона — теперь им. Владимира Ильича). Значительным моментом, укрепившим большевистское влияние среди солдат, явилась организованная большевиками многотысячная демонстрация рабочих Пресненского района на Ходынку, где стояла 1-я артиллерийская запасная бригада.

После митинга тысячи солдат и рабочих двинулись совместно на Ваганьковское кладбище, где в своих речах на могиле Баумана поклялись стоять до конца в борьбе за власть советов.

Большевики Москвы имели за собою поддержку профсоюзов и фабзавкомов.

Под знаком большевистского влияния была проведена конференция фабрично-заводских комитетов Москвы и Московского уезда, состоявшаяся 16 октября. В президиум конференции были избраны семь большевиков и только один меньшевик и один эсер. Сама партийная организация выросла количественно и окрепла качественно.

«На каждой фабрике и заводе появились большие, сплоченные, сознательные группы большевиков, рабочая масса в подавляющем большинстве верит и слушает только их», — говорит активный участник событий 1917 г. т. Ставрович[2].

По Хамовническому району в марте 1917 г. вступило в партию 113 человек, в апреле — 122. В это время в партию вошла несомненно наиболее революционная часть рабочих, находившая-

[1] См. сб. «Октябрьское восстание в Москве», ст. Розенштейна Гиз, М. 1922 г.
[2] См. сб. „Октябрь в Хамовниках", ст. Ставровича.

ся под влиянием большевиков еще во время войны. В дальнейшем, в мае, августе, организация растет более медленным темпом: в мае вступило 68, в июне — 57, в июле — 93 человека, в августе 66, но уже в сентябре в партию вступило 186 человек.

В Благуше-лефортовском районе в рядах партии состояло к октябрю 1 500 — 2 000 человек. В Пресненском районе в ячейке одного только Военно-артиллерийского завода состояло 230 человек и было до 150 сочувствующих (на 3 740 рабочих).

Большевики организовывали и возглавляли в районах, на предприятиях и казармах подготовку к восстанию и широко развернули работу по вооружению пролетариата.

Так из протокола заседания Замоскворецкого районного комитета РСДРП (большевиков) от 10 сентября видно, что райком часто созывал заседания представителей заводских ячеек. 11 сентября предполагалось поставить на обсуждение вопрос о перевыборах районного совета рабочих депутатов и о вооружении пролетариата. Райком вынес решение «о привлечении всех сил к работе по выборам», о самом активном участии в этой работе литературной и технической комиссии и литературной коллегии райкома и об экстренном проведении в жизнь постановлений рабочих об отчислении однодневного заработка на вооружение пролетариата в Москве.

По вопросу о заключенных в Бутырской тюрьме райком постановил:

> «Организовать 11 сентября к 4 час. дня делегацию от всех фабрик и заводов в Центральный совет рабочих и солдатских депутатов с требованием немедленного освобождения всех революционеров или немедленного предъявления им обвинения» [1].

Для осуществления этого мероприятия райком признал необходимым обратиться в Московский комитет с особым предложением принять соответствующие меры (оповещение всех районов по телефону и т. д.).

В Бутырской тюрьме, как известно, находились в это время двинцы и ряд арестованных активных большевиков. Под влиянием протестов рабочих и Московского совета двинцы были освобождены в сентябре и в октябрьские дни приняли активное участие в боях. Замоскворецкий районный комитет проявил активность и в посылке делегаций от фабрик и заводов с требованием вооружения рабочих тотчас же после корниловского выступления.

Во второй половине сентября работа МК и Московского областного бюро протекает под знаком осуществления основных указаний Ленина о безотлагательной подготовке восстания. 27—28 сентября пленум Московского областного бюро признал

[1] Московский областной архив ВКП(б), № 1, Замоскворецкий РК, заседание районного комитета, 1917 г.

важнейшей задачей дня борьбу за власть. По тому же вопросу в конце сентября состоялось совещание, созванное военным бюро при МК.

7 октября МК высказывается за то, чтобы советы осуществляли свою власть явочным порядком, перейдя на путь декретной практики. 14 октября Московское областное бюро дает директиву о подготовке к захвату власти по области. Около 20 октября созывается межрайонное совещание московского актива для обсуждения докладов тт. Пятницкого и Яковлевой по возвращении их из Петрограда и получения директив от ЦК. Все районы как один включаются в общую подготовку вооруженного восстания. Многолюдное районное партийное собрание Лефортовского района, состоявшееся 4 октября в Введенском народном доме, принимает следующую резолюцию:

> «Общее собрание членов РСДРП большевиков Лефортовского района, обсудив вопрос о текущем моменте, находит, что только революционные действия, направленные к тому, чтобы взять власть в руки рабочих и деревенской бедноты, могут спасти Россию и революцию от гибели, от полного торжества обнаглевшей буржуазии. Время слов миновало, нужно революционное дело, и наша партия обязана незамедлительно повести революционные массы к неотложной цели — завоеванию власти» [1].

Московская большевистская организация имела значительные успехи в мобилизации масс под знаменами социалистической революции. Но при массовом пролетарском энтузиазме здесь наблюдались большие, чем в Петрограде, неустойчивость и колебания среди части солдат гарнизона и, наконец, — это самое главное — часть руководящих большевиков не являлась сторонницей ленинских взглядов по вопросу о вооруженном восстании и социалистическом перевороте в России. Некоторые видные представители московской организации считали, что в России нет достаточных предпосылок для социалистической революции. Об этом на апрельской конференции заявлял Рыков, об этом тогда же и позднее заявляли некоторые другие члены московской организации.

Бухарин же, слывший «левым», целиком находился в плену меньшевистско-троцкистской установки о реакционности крестьянства и не понимал ленинского лозунга о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства. У него не было диференцированного подхода к крестьянству. Ангарский, бывший позднее членом ревкома одного из районов Москвы, заявлял на VI съезде партии, что Россия якобы еще не созрела для перехода от буржуазной к социалистической революции, что крестьянство революционно только до тех пор, пока не получит землю.

При общей правильной политической линии московской организации наличие в руководящей группе большевиков правых и

[1] Сб. „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 103.

«левых» оппортунистических элементов не могло не оказать своего влияния на подготовку и проведение восстания. В то самое время как в Петрограде вся организация под непосредственным руководством большинства ЦК готовилась к вооруженному захвату власти и стоявший на позиции выжидания съезда Троцкий представлялся одиночкой, — в Москве выжидательное настроение отдельных работников из руководящей группы большевиков не было парализовано в самом зародыше.

В то самое время как сознание необходимости вооруженной борьбы объединяло в Петрограде всю организацию, начиная с большинства ЦК, ВРК и кончая рядовым красногвардейцем и солдатом, — в Москве не было такого единства настроения в самом ВРК. Правые и колеблющиеся элементы, составлявшие ничтожную по численности группку, входили в ВРК и на первых порах несомненно определили его тактику и политику.

В то время как массы горели желанием борьбы за овладение властью, среди руководящей группы военной организации и ВРК были совсем иные настроения и тактика. В. Н. Яковлева, секретарь областного бюро нашей партии, в своем докладе 9 (22) ноября 1917 г. указывала на то, что между партийным центром и частью ВРК происходила все время упорная борьба.

По словам Яковлевой,

> «партийный центр стоял за решительные действия, Военно-революционный комитет стремился оттянуть момент решительных действий, рассчитывая и надеясь, что можно обойтись и без них».

Иллюстрации к этим положениям мы находим в высказываниях целого ряда участников ВРК.

> «Почему-то еще была вера в то, что до столкновения не дойдет, что буржуазия не захочет пережить ужасов открытой гражданской войны и уступит внушительным силам рабочих и солдат»[1],—говорит в своих воспоминаниях один из членов Московского ВРК.

В своем выступлении на заседании совета рабочих и солдатских депутатов 9 ноября т. Ногин заявил, что если есть надежда (а у Ногина она была) на воссоздание власти, признаваемой всеми партиями, входящими в советы, то в Москве нужно принять все меры, чтобы это произошло без кровопролития[2]. Позиция правых составляла основу убеждений Рыкова. В пропаганде взглядов правых среди большевиков — членов ВРК и состояла сущность деятельности Рыкова в дни октябрьского восстания в Москве.

Пагубное влияние оказывала также нерешительная, колеблющаяся позиция Н. И. Муралова, находившегося в самом центре

[1] Сб. „Москва в октябре 1917 г.", стр. 50.
[2] Сб. „Советы в Октябре", стр. 64.

оперативно-боевого руководства. Об этих ошибках надо говорить, ибо эти ошибки в значительной мере предопределили затяжную и стоившую восставшим больших жертв борьбу. Об ошибках проведения восстания в Москве надо говорить, чтобы из этого опыта мог извлечь уроки международный пролетариат.

Москва к началу восстания не достигла той степени организованности и централизации боевых сил, какие были достигнуты в Петрограде. Бросается в глаза такая несообразность с точки зрения интересов пролетарской революции, как наличие в Москве к октябрю двух руководящих центров Красной гвардии. В состав одного, при Московском совете, наряду с большевиками входили меньшевики и эсеры, основной задачей которых было не допустить торжества пролетарской революции. Другой центр был исключительно большевистский, созданный при Московском комитете партии в виде комиссии по организации Красной гвардии. Дело доходило до того, что вестники из районов, посылаемые для информации в большевистский штаб, иногда попадали со своими сообщениями в тот штаб, где заседали меньшевики и эсеры (оба штаба помещались в одном здании).

В момент, когда партия открыто возглавляла подготовку к борьбе за власть советов, двоецентрие вносило путаницу, мешало уяснению решающего для пролетариата вывода о необходимости полного и бесповоротного разрыва с меньшевиками и эсерами.

Вооружение рабочих в Москве с первых дней революции не приняло таких размеров, как в Петрограде. Рабочие Петрограда добыли основное количество оружия в февральские дни и от февраля к октябрю значительно усилили свою вооруженность. В Москве же вооружение рабочих происходило главным образом путем захвата оружия у городовых и в полицейских участках; военные арсеналы и склады остались здесь нетронутыми.

Затем, в то время как петроградский гарнизон, особенно матросы Балтфлота, все время сохранял за собой свое оружие, в Москве белогвардейское руководство не только предусмотрительно разоружило гарнизон, но и значительно обессилило революционно настроенные полки путем роспуска солдат по домам («в отпуск»). Это особенно обязывало Москву усиленно заняться вооружением рабочей Красной гвардии и восстание начинать именно с захвата складов оружия.

Центральный штаб Красной гвардии, чтобы восполнить недостаток винтовок, прибег к организации производства ручных гранат. Отдельные части их изготовлялись на заводах Михельсона, «Мотор» и телефонном. К октябрю было изготовлено до 600 бомб и в процессе производства находилось свыше 2 тыс. Недостаток оружия мешал развертыванию военной учебы, так как нехватка винтовок не могла быть восполнена ни динамитом, ни пироксилином, получаемыми с завода Второва. Все это могло быть использовано главным образом для подготовки взрывов на

железных дорогах, чтобы остановить движение белогвардейских эшелонов против восставших, и в баррикадной борьбе. Центральный штаб и особенно районные большевистские организации в Москве всяческими мерами стремились восполнить нехватку оружия, но это им не удавалось в такой степени, как это оказалось возможным в Петрограде. Поэтому военно-техническая подготовка к восстанию московских пролетариев была значительно ниже, чем пролетариев Петрограда.

Слабая вооруженность пролетариата накануне восстания явилась следствием помех, которые чинили меньшевики и эсеры, широко использовавшие свое первоначальное влияние и авторитет для подрыва работы по вооружению пролетариата.

Меньшевики и эсеры всячески препятствовали установлению тесного контакта между рабочими и солдатской массой, демагогически заявляя на собраниях солдат о том, что самовооружение пролетариата — это выражение недоверия в отношении революционной армии. Этим была затруднена возможность более широкого проникновения оружия из воинских частей в среду рабочих и более широкого участия солдат в обучении рабочих обращению с оружием.

В Москве не было достаточной четкости в создании органов подготовки восстания в районах.

Тов. Пече в своей работе «Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь» приводит данные об организации районных штабов Московской области. У него получается, что все эти штабы возникли очень рано и также рано была оформлена самая тесная связь их с центральным штабом. Это верно только в отношении отдельных районных штабов и притом с известными оговорками.

Возьмем к примеру Пресненский штаб Красной гвардии. Организация этого штаба не была оформлена вплоть до октябрьских дней; были лишь отдельные товарищи, которые занимались организацией Красной гвардии на некоторых предприятиях. Этот процесс был весьма слабо централизован. На крупнейшей фабрике района — Трехгорной мануфактуре подготовка и массовое обучение рабочих развернулись в основном лишь в момент октябрьских боев. Фактически не существовало штаба, который побудил бы трехгорцев заняться созданием красногвардейского отряда, прикомандировал бы к ним военных руководителей и снабдил бы Трехгорку оружием.

Так же примерно к началу восстания обстояло и в Городском районе. Анютин, участник событий, заявляет:

> «Ни Красной гвардии, ни оружия в распоряжении района не было» [1].

Между тем Городской район как центральный должен был в первую очередь отразить удары юнкерских и вообще белогвар-

[1] Сб. „Москва в октябре 1917 г.", стр. 119.

дейских отрядов. Можно было бы подумать, что этот район как менее пролетарский вообще не располагал Красной гвардией. В противоположность этому Гуторенко утверждал, что в Городском районе Красная гвардия стала организовываться в мае, красногвардейцы обучались стрельбе за городом. В июле рабочие лишились оружия. Но тогда же приступлено было к изучению районов и даже отдельных зданий в Москве и составлению соответствующих планов. По словам Гуторенко, после 12 августа рабочие не выпускали оружия из рук. За три-четыре дня до создания ревкома красногвардейцы дежурили при райкоме.

Чем объясняется разноречивость в показаниях Анютина и Гуторенко? Тем, что каждый из них прав по-своему.

Правильно, что в районах имелись красногвардейцы, но соответствует действительности и то, что к моменту восстания районы не располагали Красной гвардией — рабочие не были вооружены в массовом масштабе. Когда же в первый день восстания рабочие стали требовать оружие, то его не оказалось. Городской район например получил оружие не за день и не за три дня до выступления, как это частично имело место в некоторых районах Петрограда, а спустя два дня после начала восстания. Так же обстояло дело и в других районах.

Несколько более благополучно по части организации Красной гвардии в районном масштабе обстояло, пожалуй, в Лефортовском, Симоновском и Замоскворецком районах.

Большевистский центральный штаб Красной гвардии, ограниченный в возможностях развернуть боевую деятельность, сосредоточился на разработке самого плана восстания и устава Красной гвардии. По словам Я. Пече, оперативный штаб Красной гвардии по подготовке восстания был создан в июле. Этим штабом велась значительная работа по составлению стратегического плана восстания. Были намечены планы действий в районах, расположение и наметка баррикад и т. д. Но составление плана не было закончено, и боевые действия в октябрьские дни не велись по какому-либо плану, особенно в начале боев.

Определяя в общем так же, как в петроградском уставе, цели и задачи Красной гвардии, московский устав недостаточно подчеркивал классово-боевой характер самой организации. В московском уставе (утвержденном советом 24 октября) в меньшей степени была подчеркнута прямая связь с предприятиями (на практике в Москве шире применялся принцип строительства дружин при районных штабах). В московском уставе не уделялось внимания проверке знаний выборного комсостава и обучению менее подготовленных командиров.

В Петрограде наряду со старыми большевиками-пролетариями в руководстве Красной гвардией принимали активное участие рабочие-солдаты. В тех случаях, когда организатором Красной гвардии на предприятии выступал старый большевик, недостаточно знакомый с военным делом, к обучению красногвардейцев

обязательно привлекались солдаты-большевики и даже беспартийные, рекомендованные большевиками. Существовало нечто вроде того вида командования, которое потом получило теоретическое и практическое обоснование при строительстве Красной армии: один выступал на положении военспеца, другой — в качестве политического руководителя и комиссара.

В Петрограде этот принцип проводился достаточно последовательно, вплоть до самого активного участия большевиков-солдат и большевиков-офицеров в разработке устава Красной гвардии и плана восстания. В Москве же, несмотря на привлечение ряда солдат и офицеров к работе в штабах и обучению красногвардейцев, военное руководство оставалось за той группой большевиков, которая всю боевую деятельность основывала главным образом на принципах партизанских операций периода первой революции. Между тем эти принципы теперь должны были быть углублены и расширены до таких пределов, чтобы самое строительство Красной гвардии учитывало участие в восстании наряду с рабочими масс солдат и в более значительной мере, чем в условиях первой революции, чтобы строительство Красной гвардии было приноровлено к требованиям тактики наступления и боевых действий сплоченными вооруженными отрядами.

Всего этого в полном объеме мы не наблюдали в Москве. Самый план восстания разрабатывался старыми боевиками 1905 г. без достаточно широкого привлечения специалистов военного дела и видимо оказался неприменимым на практике. Многие военные впервые в дни восстания выступали в роли командиров отрядов из вооруженных рабочих и солдат и только в пылу боев приспосабливали свои военные познания к требованиям уличной борьбы. Влияло ли это на развертывание восстания и на успешность действий боевых отрядов? Совершенно бесспорно.

Считают, что белые имели на своей стороне около 10 тыс. бойцов. Боевые силы белогвардейцев составились из юнкеров Александровского и Алексеевского военных училищ и шести школ прапорщиков, затем из наличных сил в штабе округа, солдатской секции совета (меньшевики и эсеры), студентов и гимназистов.

На стороне революции были самокатный батальон, наиболее революционные полки гарнизона, артиллеристы 1-й артиллерийской бригады, команды двинцев, вооруженные рабочие. Всего на стороне революции в Москве могло выступить не менее 15 тыс. активных вооруженных бойцов и быть использовано еще до 25 тыс. резерва из менее активных.

Понятно, выучка белогвардейцев была гораздо выше, чем у красногвардейцев и даже значительной части солдат. Но это отнюдь не обязывало выжидать нападения со стороны противника и не брать инициативы в свои руки. А между тем участники восстания целиком подтверждают тот факт, что враг напал первым.

Еще меньше можно говорить о том, что руководители вос-

стания в Москве имели четкий и определенный план его проведения. Приходится признать, что план активных наступательных действий имел не ВРК, а штаб Московского военного округа. Значительным преимуществом противника было и то, что он располагал возможностью быстрой мобилизации своих сил, тогда как мобилизация бойцов ВРК из-за отсутствия оружия растянулась на несколько дней. Наконец надо указать и на то, что враг очень удачно маневрировал, используя переговоры как прикрытие подготовки к активным наступательным действиям, тогда как часть ВРК принимала переговоры настолько всерьез и так была ими увлечена, что совершенно отказалась от принятия мер на случай немедленного начала военных действий. Часть руководства упускала из виду, что переговоры никоим образом не должны отменять боевых приготовлений, что, наоборот, обеспечение себя в боевом отношении являлось лучшим подкреплением позиций ВРК при предъявлении тех или иных требований к противнику.

Обратимся к характеристике хода восстания в Москве.

Письмо Ленина поставило перед московской большевистской организацией вопрос о восстании как ближайшую и непосредственную задачу. Письмо обсуждалось на ряде собраний. После окончательного решения ЦК о восстании подготовка к его осуществлению началась и в Москве, и в области.

22 октября Московский комитет постановляет:

> «организовать боевой орган из пяти, в который входят секретариат, член бюро и член комиссии Красной гвардии» [1].

22 октября военное бюро созывает областную конференцию военных организаций, которая, не исчерпав своего порядка дня, закончила работу 23 октября (в связи с получением вестей о назревающих событиях в Петрограде). 23 октября вечером состоялось совещание с представителями районов и воинских частей. Обсуждался вопрос о восстании. 25 октября на объединенном заседании Московского областного и окружного комитетов создается боевой центр для Москвы и области в составе семи человек. Персонально вошли: тт. Пятницкий и Владимирский — от Московского комитета, В. Н. Яковлева и Стуков — от областного комитета, В. И. Соловьев — от окружного комитета, Ярославский — от военного бюро Московского комитета, В. Козелев — от профсоюзов; кандидатами: т. Сапронов — от окружного комитета, т. Кизельштейн — от областного бюро [2].

На том же заседании выносится решение об организации ВРК при совете и выдвигаются в его состав Смирнов, Ломов, Муралов, Рыков, Будзинский, Усиевич (кандидатом). Кроме того предполагалось, что в состав ВРК будут введены один эсер и один меньшевик.

[1] Владимирский, Октябрьские дни в Москве, стр. 18.
[2] Там же, стр. 19. См. также „Из истории московской рабочей Красной гвардии" (материалы и документы), стр. 66.

25 октября вечером на пленуме обоих советов 394 голосами при 106 против и 103 воздержавшихся принимается большевистская резолюция, а затем производятся выборы ВРК. В состав ВРК вошли: большевики Смирнов, Муралов, Усиевич и Ломов, кандидатами к ним — Аросев, Москалев, Рыков и Будзинский, от меньшевиков — Тейтельбаум и Николаев; от объединенцев— Константинов и кандидатами — Гальперин и Ясенев (меньшевики скоро вышли из состава ВРК, эсеры вовсе отказались войти).

Позднее состав ВРК был значительно расширен.

Военно-революционный комитет приступил к работе в ночь на 26 октября. В первую очередь он разослал вестников и агитаторов по казармам с призывом к солдатам выступить на поддержку советов. На утро ВРК издал приказ гарнизону о неисполнении распоряжений, не исходящих от ВРК и не скрепленных его подписью, а районным советам, думам и заводским комитетам предписал создать революционные центры в районах, указав на необходимость захвата господствующих зданий в районах и на принятие необходимых мер к вооружению (захватывать склады оружия) и к установлению связи с боевым центром в совете и партии.

С момента организации ВРК в центре и районах штабы Красной гвардии фактически прекращают свою деятельность.

Все боевые функции (по дальнейшей организации Красной гвардии, руководству всеми боевыми операциями) перешли целиком к ВРК.

Между тем положение в районах было далеко не блестящим. Всюду нехватало оружия. Красная гвардия не перешла на казарменное положение, общая численность ее была невелика, и только в самые октябрьские дни начались пополнение и вербовка новых кадров красногвардейцев. Особенно плохо обстояло дело в Городском, Хамовническом и Пресненском районах, близко и непосредственно примыкавших к центру города и ставших ареной ожесточенных боев. К районным центрам потянулись вооруженные, но сравнительно немногочисленные группы рабочих. Они настойчиво требовали оружия для рабочих, жаждущих принять участие в бою, но оружия не получили, так как районы не имели его. Чтобы восстание стало фактом, оно должно было опираться на вооруженные массы рабочих и солдат, а московские пролетарии фактически не имели столько оружия, чтобы выступить как сила, способная немедленно перейти в наступление. Это привело к тому, что на первых порах получилось нечто вроде изолированного выступления солдат, в то время как в районах основная масса будущих бойцов — рабочие — оставалась еще безоружной.

После призыва ВРК в Моссовет потянулись солдаты. Первыми пришли двинцы. За ними стали подходить отряды из других полков. Тут же были делегации от рабочих из районов, которые требовали оружия. Не говоря уже о том, что на солдат действо-

вал тот факт, что рабочие в массе были безоружны и не могли вступить немедленно в бой, полки и районы столкнулись еще с тем, что ВРК считал возможным вести переговоры со штабом МВО и не давал четкой и определенной директивы о захвате правительственных учреждений, а главное — не указывал путей и способов к вооружению рабочих. Как это ни кажется сейчас наивным, но требование вооружения рабочих являлось основным предметом переговоров со штабом округа. Неужели классовый враг мог быть настолько беспечным, чтобы выдать винтовки для свержения своей собственной власти? И как можно было в момент восстания в Москве рассчитывать на то, что оружие будет получено легально, а не взято силой по прямому приказу ВРК, как это делалось в Петрограде?

Значительную роль в дальнейших событиях сыграло именно отсутствие плана, отсутствие учета того, как и где можно будет получить оружие. Стремительным ударом, сконцентрировав вооруженные силы районов и гарнизона, пожалуй, можно еще было немедленно овладеть основными оружейными базами города и окрестностей, а затем уже приступить к захвату Кремля. Как показали последующие события, захват Мызо-раевского и Симоновского складов не представлял для ВРК значительного труда. Характерно, что уже после создания ВРК на Симоновке появилось человек десять юнкеров на грузовике и захватили патроны для пулеметов; когда вслед за тем рабочие решили овладеть складом, им это удалось очень легко. 200—300 рабочих при содействии солдат арестовали офицеров, захватили 30—40 берданок и патроны к ним, затем несколько ящиков патронов разных калибров и систем. Именно на захват оружия надо было послать необходимые силы, сосредоточив одновременно внимание и силы на овладении Кремлем.

Кремль для Москвы являлся тем же, что Петропавловка для Петрограда. И если большевики Петрограда овладели Петропавловкой без боя, а бой пришлось вести за Зимний дворец, вокруг которого и сконцентрировались все основные военные силы Петрограда и Балтфлота, то в Москве примерно такое же решение должна была получить задача по овладению Кремлем. Между тем в Москве к этому вопросу подошли фактически без надлежащей продуманности и большевистской решительности. На усиление караула 56-го полка, находившегося в Кремле, двинули только две роты 193-го полка[1] и нисколько не позаботились о том, чтобы обеспечить за собой весь ближайший район и уж во всяком случае возможность того, чтобы оружие попало в районы. Кремль оказался ловушкой для солдат 56 и 193-го полков и рабочих, прибывших из районов в Кремль за оружием. Роты 193-го полка были вызваны ВРК в Кремль в ночь на 26 октября,

[1] См. Бюллетень № 1 Московского комитета общественной безопасности от 27 октября 1917 г., „Очерк по истории московской рабочей гвардии", стр. 185.

грузовики с рабочими прибыли рано утром 26 октября. В это время юнкера заняли манеж и кольцом окружили Кремль. Находившиеся в Кремле лишены были какой бы то ни было связи с внешним миром, с гарнизоном и районами. Утром 25 октября, овладев почтой и телеграфом, восставшие не располагали еще телефонной станцией. Она была в чужих руках.

По-настоящему на выручку рабочих и солдат 193 и 56-го полков должны были бы явиться весь гарнизон и вооруженные рабочие и нанести контрреволюции сокрушительный удар. Но на деле все сложилось иначе. Вместо немедленного призыва к выступлению ВРК ведет с Рябцевым переговоры, причем для участия в них представители ВРК приезжают на территорию осажденного юнкерами Кремля. ВРК настаивает на том, чтобы юнкера сняли наружную охрану Кремля. Рябцев требует, чтобы солдаты 193-го полка покинули Кремль и чтобы внутренняя охрана последнего была усилена юнкерами, т. е. добивается полного овладения Кремлем. Представители ВРК дают согласие на увод рот 193-го полка, но требуют оставления 56-го полка. 27 октября утром солдаты 193-го полка покидают Кремль, гарнизон последнего ослабляется, а ушедшие, перед этим юнкера снова стеной окружают Кремль. Солдаты 56-го полка оказались одинокими перед вооруженной силой нескольких рот юнкеров, и командующий броневой ротой 6-й школы прапорщиков потребовал от солдат 56-го полка сдачи оружия. Предоставленные самим себе, солдаты стали разоружаться. Сданы были винтовки и 40 пулеметов. Тогда в Кремль вошли две роты юнкеров. Когда солдаты увидели, что вошли только две роты, они сделали попытку снова овладеть оружием[1]. Это не удалось. Безоружные, они подверглись обстрелу из пулеметов в упор.

Упрочиваясь в центре, белые рассчитывали на то, что по прибытии войск с фронта они смогут овладеть всем городом. Помощь им была обещана и послана с юго-западного фронта (гвардейская бригада с артиллерией) и западного (кавалерия). Отдельные группы белых ударников прибывали с Брянского и Курского вокзалов.

Как мы видели, ВРК обратился за военной поддержкой в первую очередь к гарнизону. Солдаты первоначально втягивались в восстание далеко не в соответствии с численностью самого гарнизона. Тов. Розенгольц, работавший в ВРК, утверждает, что солдаты прибывали в одиночном порядке, группами, а не целыми частями[2]. Только позднее, в дни ожесточеннейших боев, на помощь ВРК приходит значительная часть гарнизона. 26 же октября общее собрание ротных комитетов, высказавшись за власть советов, настаивает на перевыборах советов, посылает к

[1] „Очерки по истории московской рабочей Красной гвардии, стр. 195.
[2] Владимирский, Октябрьские дни в Москве, стр. 27.

Рябцеву делегацию с требованием увода из Кремля юнкеров и освобождения осаждаемых ими солдат 56-полка. 28 октября гарнизонное собрание избирает вместо исполкома совета солдатских депутатов, вошедшего в состав комитета общественной безопасности, «совет десяти» и поручает ему оказать давление на обе стороны, с тем чтобы они прекратили начавшееся кровопролитие. Сочувствуя перевороту, совершаемому под лозунгом мира, земли и пролетарской диктатуры, масса солдат в самый момент восстания вместе с тем не обнаруживает той боевой активности, которая вполне соответствовала бы ее военной выучке и подготовке. Активность солдатской массы возрастает по мере того, как она получает возможность непосредственного соприкосновения с вооруженным героическим пролетариатом, выступающим в боях и ведущим ее за собой.

К концу восстания в Москве участвовала уже значительная часть гарнизона. Иллюзии о мирном исходе событий развеялись жестокими уроками предшествующих дней. Эти иллюзии были весьма ярки в солдатской среде даже 26 и 27 октября, и они-то несомненно оказывали известное влияние на настроение руководителей, входящих в состав Московского ВРК. Но пассивность солдат могла быть преодолена только активностью самого ВРК и районов. В частности в результате активности пресненских большевиков довольно скоро присоединилась к восставшим 1-я запасная артиллерийская бригада. Солдаты этой бригады пришли на помощь восставшим рабочим 28 октября. Присоединению их предшествовали перевыборы комитета, в состав которого вошли большевики и сочувствующие им. Вновь избранный комитет постановил присоединиться к ВРК[1].

После столкновения с юнкерами (в числе нескольких рот) двинцы отступают к Московскому совету, понеся значительные потери. Положение оставшихся в Кремле трагическое, а инициатива дальнейших наступательных действий целиком переходит к штабу МВО, действующему в полном согласии с комитетом общественной безопасности, образовавшимся 25 октября при участии представителей городской управы, уездной земской управы, штаба военного округа, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, совета солдатских депутатов и губернского совета крестьянских депутатов.

В 6 час. вечера 27 октября Рябцев объявляет город на военном положении и предъявляет ультиматум об упразднении ВРК, немедленном выводе из Кремля 56-го полка и возврате вывезенного из Кремля оружия (фактически из Кремля было вывезено очень немного винтовок). Срок ультиматума — 15 минут; по истечении его, в случае неполучения ответа к сроку, — артиллерийский обстрел.

---

[1] „Очерки по истории московской рабочей „Красной гвардии", стр. 188.

ВРК отвечает на это призывом к рабочим объявить всеобщую забастовку и выступить на борьбу за власть советов.

В приказе ревкома районам центральный ВРК заявляет:

«Массы должны перейти к самочинным выступлениям, под руководством районных центров, по пути осуществления власти в районах» [1].

ВРК временно отступает перед необходимостью решения главной задачи — овладения Кремлем, и центр тяжести мобилизации сил и боев переносится на территорию районов. Между тем штаб МВО с исключительной настойчивостью и планомерностью укрепляется именно в Кремле. Юнкера не только овладевают Кремлем (произведя расстрел части разоруженных солдат 56-го полка), но создают себе опорные пункты во всем ближайшем районе. На Знаменке их база — Александровское военное училище, на Пречистенке — штаб МВО, в районе Тверской — гостиница «Националь», на Театральной площади — «Метрополь», на Воскресенской — здание городской управы. Одно время юнкерами были заняты чуть ли не все переулки по Тверской, вплоть до совета, затем Арбат, Поварская, район у Никитских ворот, телефонная станция у Мясницких ворот.

В самом ВРК и в президиуме совета шло непрерывное заседание и здесь же заслушивалась информация из районов. Охрану здания Моссовета внутри и снаружи взяли на себя красногвардейцы Городского района. Они бессменно несли здесь дежурства в течение боев и не хотели покинуть Моссовета даже после заключения перемирия. В следственной части совета почти непрерывно шел допрос арестованных. Прибывшие в Моссовет рабочие не все были обучены обращению с винтовкой. Проделав под руководством солдат во дворе совета ряд упражнений с оружием, они тут же отправлялись в бой.

Положение ВРК и Московского совета в это время было исключительно тяжелым. Они оказались отрезанными от всех районов. Центральная позиция, занятая белогвардейцами, делает крайне опасным поддержание связи с районами посредством «связистов», телефонное сообщение невозможно, так как станция занята юнкерами. Транспортные средства Моссовета и некоторых районов совершенно недостаточны. В районах у рабочих огромный недостаток оружия, а белогвардейцы имеют его в таком избытке, что в местах, ближайших к центру, в состоянии превратить даже отдельные дома в боевые посты. У белых вооружены все, кто может и желает действовать оружием. Способ обстрела посредством засад в отдельных зданиях, использованный дружинниками в декабрьском вооруженном восстании 1905 г., теперь широко применяется обеими сторонами.

«Бои развернулись в позиционную борьбу», — говорит один из участников событий, бывший солдат 56-го полка Смирнов.

[1] Владимирский, Октябрьские дни в Москве, стр. 33.

И действительно, чуть ли не каждый переулок становился ареной борьбы. «Каждый дом, улица, колокольня были предметом отчаянной схватки с обеих сторон»[1], — говорит один из участников октябрьского восстания в Москве.

На улицах были вырыты окопы и сооружены баррикады (окопы вырыли около Сухаревки, Смоленского рынка, на Пречистенке, в Лефортовском и других районах); тут же кое-где сооружались баррикады (этого в октябрьские дни почти не знал Петроград). Москва наглядно совместила и боевую революционную практику 1905 г. и последнюю практику искусства ведения войны. Но все это делалось в пылу борьбы, без надлежащей подготовки и выучки значительной массы участников восстания и обошлось дорого. Опыт Москвы учит тому, что в подготовку повстанца, особенно когда речь может итти об очень упорном сопротивлении врага, обязательно должна входить более широкая военная выучка. Противник в Москве во всех отношениях был лучше организован и вооружен. Юнкерские и белогвардейские отряды располагались с походными кухнями, с санитарными линейками, были прекрасно обеспечены пулеметами. Решительным ударом они сумели овладеть средствами связи — телефонной станцией, телеграфом и т. п. Много выиграл противник и тем, что овладел Кремлем и помешал рабочим вооружиться. Окопы белых были гораздо более благоустроены, нежели у восставших.

Белые с первых же дней боев широко используют винтовочный и пулеметный огонь и воздействие броневиков.

Посмотрим теперь, как мобилизовала свои силы революция.

Тактика колеблющейся части ВРК в первые моменты дезориентировала районы, срывала их активность и инициативу. В районы стали поступать сведения, что в центре тревожно, что белые обнаглели, что вот-вот должно что-то произойти.

Партийные организации в районах, фактически руководившие потом всеми боевыми операциями, проявили исключительную решимость, находчивость, инициативу в мобилизации партийных сил, рабочих-красногвардейцев и солдат для наступления в центр. Райкомы добывали оружие, организовывали военное обучение, руководили переброской в места, требующие подкрепления.

Не дождавшись сигнала из центра, районные парторганизации сами отдали приказ о наступлении.

Большевики Замоскворечья выступили на рассвете 28 октября. В этот же день ведут наступление на штаб белых Хамовники. Парторганизации Басманного и Благуше-лефортовского районов успешно руководят самостоятельными операциями против Алексеевского военного училища и кадетских корпусов. Замоскворец-

[1] „Октябрь 1917—1922 гг.", юбилейный журнал революционных воспоминаний слушателей Военной академии РККА, стр. 13, изд. Военно-научного общества, М. 1922 г.

-кий райком организует снабжение продовольствием Московского совета, а затем и всей Москвы.

Парторганизации остальных районов также напряженно следят за развертыванием всех событий, форсируя наступление против белых со своих участков.

Посмотрим, как развертывались боевые действия в каждом из районов.

В Замоскворецком районе вооруженные рабочие 27 октября явились в райсовет и там ждали директив из центра. «Говорили, что нужно ждать и пока не выступать, что центр даст сигнал»[1].

Сигнала не было, шли переговоры. Самим рабочим попасть напрямик в центр было нельзя. «В центре была полная военная обстановка... Рабочих задерживали»[2]. Пришли известия, что выступили уже юнкера Александровского училища. Среди рабочих, собравшихся в райсовете в количестве 200—300, наблюдалось огромное недовольство тактикой выжидания.

В это же время проявили активность вооруженные эсеро-меньшевистской думой студенты Коммерческого училища, начавшие под руководством инструкторов-офицеров подготовку к активным действиям против рабочих. Немедленное открытие военных действий против студентов уже в первый же вечер рассеяло их разведку.

Вслед за этим соединенные силы красногвардейцев и солдат 55-го пехотного запасного полка окружили самое здание Коммерческого училища. Находившиеся там 200—300 студентов не выдержали натиска и сдались.

Замоскворецкий район развивает активные действия: участвует в боях за мосты, на Крымской площади, на Остоженке и на подступах к Кремлю. Когда начались активные действия, к рабочим присоединились солдаты 55-го полка, стоявшие в бывших Александровских казармах на Серпуховской улице. Характерно, что при захвате мостов рабочие и красногвардейцы, которые не имели понятия о том, как укрываться при обстреле, бесстрашно шли впереди солдат.

Центр в это время уже был заполнен юнкерами, офицерами и вооруженными студентами. В сторону Каменного и Замоскворецкого мостов были направлены пулеметы. Пулеметы расположены были на ограде храма Христа спасителя и Александровского сада. Оживленная перестрелка на Арбатской площади и на мостах Юнкера обстреливали рабочие окраины далеко вперед мостов. Наибольшие потери войска ВРК несут у Каменного моста и на Остоженке. Попытка использовать артиллерию вначале не дает результатов — нет снарядов, две тяжелые пушки стоят без дела на Калужской площади. Основная сила бойцов была использована для боев за удержание мостов и в районе Осто-

[1] Воспоминания Викмана, рукопись. Красногвардейский фонд Института истории Комакадемии.
[2] Там же.

женки и Пречистенки. На Замоскворецкий район легла в основном задача по овладению штабом МВО (Пречистенка). Большую роль сыграло Замоскворечье и в овладении Кремлем и Александровским училищем.

Хамовнический район, на территории которого находились штаб МВО, 5-я школа прапорщиков и расположен был Брянский вокзал (с этого вокзала на помощь белогвардейцам прибыли белые ударники, и отсюда же можно было ожидать вступления других реакционных войск), очутился в крайне тяжелом положении. Имея относительно слабую пролетарскую прослойку и мало оружия для своих красногвардейцев, он без помощи Замоскворечья, собственными силами, едва ли справился бы с решением задач, выпавших на его долю.

В. Лысов в своих воспоминаниях рассказывает о том, что к началу восстания в районе «вполне надежных бойцов, партийных красногвардейцев было около 70 человек, а с оружием было совсем плохо: нехватало винтовок и из имеющихся винтовок было несколько берданок»[1].

Юнкера вскоре заняли Крымский и Дорогомиловский мосты и отрезали район от Пресни и Замоскворечья. Порвалась связь с центром, иссякли запасы продовольствия. Основной задачей становится восстановление связи с центром и обоими районами и захват интендантских складов на Крымской площади. Силы красногвардейцев были пополнены солдатами 193-го полка. Из центра было доставлено несколько ящиков винтовок, и к ночи 28 октября красногвардейцы были вооружены винтовками. В ту же ночь были сняты посты юнкеров на Крымском мосту и завязался бой за обладание интендантскими складами. Но первоначальных сил было недостаточно (в наступление шли два взвода солдат и отряд в 20 красногвардейцев), юнкера жестоко отстреливались. Помощь оказала рота того же 193-го полка под командой прапорщика Померанцева. К утру 29 октября склады были взяты. Но 29 октября красногвардейцы были сняты белогвардейским броневиком. 193-й полк, расположенный в Хамовническом районе, совместно с красногвардейцами вел упорные бои сначала за овладение, а потом за удержание восставшими интендантских складов, расположенных на Крымской площади. (Склады были взяты войсками ВРК 29 октября). Кроме того силы полка были частично отвлечены для прикрытия артиллерии, действовавшей в центре и в Пресненском районе.

ВРК Хамовнического района перебрался вскоре в Хамовнические казармы; штаб Красной гвардии, оставшийся на месте, усилил наблюдение за Плющихой и Смоленским бульваром, где тоже появился броневик (на Плющихе броневик углублялся до Оружейного переулка).

[1] „Октябрь 1917—1922 гг.", юбилейный журнал революционных воспоминаний слушателей Военной академии РККА, стр. 19, изд. Военно-научного общества, М. 1922 г.

Решили преградить пути броневикам и вырыть окопы. Были мобилизованы вагоновожатые, кондуктора, стрелочники и линейные рабочие, а также рабочие завода «Каучук», и к рассвету были вырыты окопы в следующих пунктах: Плющиха — у Оружейного и 3-го Ростовского переулка, по Смоленскому бульвару — у Оружейного и Глазовского переулков, по набережной Москва-реки против церкви Благовещения, что расположена около 6, 4 и 3-го Ростовских переулков, по Пречистенке—у Обухова и Полуэктова переулков, по Остоженке — у Полуэктова и Зачатьевского переулков. К утру красногвардейцы заняли окопы и запаслись гранатами (владеть гранатой обучались тут же, на Пышкинском огороде, около Хамовнических казарм, но белогвардейцы прибегли уже к действию артиллерии. При занятии интендантских складов в Уваровский парк было вывезено до 3 тыс. пудов муки и запас консервов. Белогвардейцы стали обстреливать Уваровский парк из орудий. Тогда начала действовать артиллерия со стороны войск ВРК — с Воробьевых гор и Хамовнического плаца. Особенно досталось 5-й школе прапорщиков. Завязываются бои за овладение штабом Московского военного округа. Бой шел со стороны Остоженки, сопровождаясь ожесточенной оружейной и пулеметной трескотней. Одновременно артиллерия ВРК действовала против 5-й школы прапорщиков с Кудринской площади. В боях за овладение штабом МВО активное участие принимали также солдаты 193-го полка и красногвардейцы Хамовнического и Замоскворецкого районов. В Хамовническом районе больше всего красногвардейцев дали завод Второва (около 200 человек) и «Каучук» (тоже несколько сот).

Из районов, которые должны были решать и решали самостоятельные боевые задачи, резко выделяются Басманный и Благуше-лефортовский, на территории которых находились Алексеевское военное училище и кадетские корпуса. Основная особенность названных районов та, что здесь имелись в достаточном количестве воинские части, притом наиболее пролетарского состава, и значительной была масса рабочих этих районов и ближайшего к ним Рогожско-симоновского. Тут были расположены 2-я автомобильная рота, самокатный батальон, три роты и учебная команда телеграфно-прожекторного полка и мастерские тяжелой и осадной артиллерии. Солдаты-рабочие здесь составляли внушительные кадры бойцов, в то время как в Замоскворечьи чуть ли не основная тяжесть борьбы легла на плечи одних красногвардейцев. Из этих районов значительные подкрепления посылались и в центр (Владимирский считает, что из Благуше-лефортовского района было послано не менее 2 500 бойцов и столько же из Басманного).

Бои против Александровского училища и кадетского корпуса велись при достаточно высоком уровне военной техники. Функционировали полевой телефон, полевой аппарат, радио,

были вырыты окопы, пущена в ход артиллерия. Но район вначале, как и все остальные, страдал от недостатка оружия. Первая партия в 30 винтовок и берданок мастяжартовцами была получена от самокатного батальона. Здесь сперва также нехватало патронов. Но в ночь на 28 октября стало известно, что на Казанской железной дороге имеются вагоны с винтовками. Послали рабочих на грузовиках. Оружие было получено.

В самом штабе руководство принадлежало военным. Приказы отдавались четкие и определенные. Так мастяжартовцам дано было задание к 6 час. 30 октября взять Алексеевское училище и кадетские корпуса. Был разработан четкий план общего наступления 30 октября. Со стороны Рогожско-симоновского района, включая Золоторожский парк, завод Гужона и Перовские мастерские, должны были наступать красногвардейцы Рогожско-симоновского района (400—500 человек) и солдаты 85-го запасного пехотного полка (500—600 человек). Со стороны военной тюрьмы и левее наступали красногвардейцы Лефортовского района (человек 150) и рота мастяжартовцев, а остальные две роты и батарея завода двигались со стороны Кадетского парка и по реке Яузе до Вознесенской улицы. По Вознесенской улице наступали солдаты батальона самокатчиков. Самокатчиков участвовало человек 200, мастяжартовцев — 350. Всего следовательно в наступлении участвовало до 2 тыс. бойцов.

Здания корпусов были прочны, юнкера и кадеты хорошо вооружены винтовками и пулеметами. Между тем наступающие были вооружены значительно хуже. «Многие рабочие пошли на позиции совершенно безоружные; они рассчитывали уже там получить винтовки, за которыми были посланы автомобили на Казанский вокзал... Революционный порыв рабочих был неизмерим. Все отлично понимали серьезность момента, строго подчинялись революционной дисциплине. Надежда на то, что патроны и оружие придут как раз к нужному времени, к началу боя, не покидала никого. О возможности поражения никто не думал. Все стремились поскорее войти в столкновение с противником и в крайнем случае от него отобрать нужное оружие»,— вспоминает бывший рабочий-солдат «Мастяжарта» Туляков. Вскоре доставили 4 тыс. винтовок и стали поступать патроны с Симоновского склада. «Нужно было видеть на месте революционный энтузиазм рабочих, радость их, когда каждый получил по новенькой винтовке и полные карманы патронов. Рабочие сразу почувствовали себя непобедимыми».

К штабу потянулись толпы рабочих, не участвовавших до сих пор в борьбе из-за неимения оружия. Выбирали себе винтовки, делали во дворе несколько упражнений — «на прицел», «на изготовку» и шли к кадетским корпусам — залегать в окопы. Об отдыхе не думали, из окопов никто не сменялся. Санитарный отряд работниц Лефортовского района, которые под обстрелом подбирали убитых и раненых, делал перевязки. «Ра-

бота женщин воодушевляла бойцов» *(Туляков)*. Наступление велось под руководством командиров из солдат. С наступавшими не было ни одного офицера. Между тем скоро убедились в том, что пули не причиняют вреда прочным зданиям корпуса. Нужно было использовать орудия. Снаряды к ним удалось достать с Мызо-раевского склада, но не было угломеров и панорам. Наводка первоначально производилась через дуло орудий. Потом достали спрятанные дежурным офицером панорамы и угломеры. В осаде участвовало пять орудий.

30 октября сдался 2-й корпус, 31-го — 1-й, а в ночь на 1 ноября капитулировали 3-й кадетский корпус и Алексеевское военное училище. Оружие, захваченное в корпусах и училище, было немедленно использовано для вооружения бойцов. После этого два орудия были двинуты в центр, к Большому театру, для обстрела «Метрополя», два — к Крутицким казармам для участия в разоружении 6-й школы прапорщиков. Школу разоружили 31 октября. После этого орудия поставили на Швивой горке и оттуда производили обстрел Кремля. Но в центр были переброшены не только артиллеристы. В район Варварки и Ильинских ворот послали рабочих и солдат, вооруженных винтовками. В их состав влились также рабочие Рогожско-симоновского района. 400 солдат — рабочих военного завода «Радио», который занимался сборкой и ремонтом полевых радиостанций, дрались с юнкерами в Благуше-лефортовском районе. Потом дали 100 бойцов в отряд, организованный Введенским участком (250 человек). Этот отряд перебросили в район Новинского бульвара, Арбата и Смоленского рынка в помощь бойцам Хамовнического и Пресненского районов. При их участии была взята 5-я школа прапорщиков, расположенная возле Смоленского рынка.

Сокольнический район в октябрьские дни играл роль резерва. На территории района не было крупных воинских частей. Главную боевую силу здесь составляли красногвардейцы. Штаб в момент боев находился в Сокольнических мастерских. Первая группа рабочих, посланная на помощь центру, не имела оружия и получила его уже в Моссовете.

Как резерв район в течение боев направлял отряды в центр. Рабочие группами и одиночками являлись в райком и штаб и требовали отправки в центр и выдачи оружия. Когда им говорили, что оружия нет, они требовали отправления их без него: «там дадут». Подъем был такой, что все рвались в центр, никто не хотел оставаться в районе. Красногвардейцев можно было привлекать к охране района лишь путем самых решительных угроз. Но бывали случаи, когда не действовали и угрозы. Отряду латышей, рабочих деревообделочной мастерской, в большинстве партийцев, было предложено нести гарнизонную службу в районе, но, несмотря на просьбы и угрозы исключения из партии, отряд не подчинился — все ушли драться в центр.

«Характерно, что это был единственный вид неподчинения приказаниям ВРК. Все остальные исполнялись беспрекословно»[1], — говорит участник событий.

В районе был организован перевязочный пункт и действовали три санитарных отряда, в состав которых вошли работницы района. Сокольнический район очень удачно справлялся с своей ролью резерва. Он являлся фактически передаточным пунктом для прибывающих из окрестностей Москвы подкреплений. Здесь кормили, а затем отправляли в центр отряды из Мызо-Раева, Мытищ, Лосиноостровской и др. Только в первый день через Сокольнический ВРК прошло до тысячи рабочих. Первоначально их всех отправляли в Сокольнические мастерские. Там им показывали, как заряжать винтовку и как стрелять. На трамваях, насколько было возможно, их перебрасывали в центр. Позднее стали отправлять рабочих вооруженными. За день до окончания боев было отправлено 375 человек и затем еще на помощь пресненцам — отряд в 50 человек. Некоторые участники событий считают, что одних рабочих Сокольнического района было отправлено свыше 3 тыс. человек. Кроме того в боях участвовали солдаты инженерного полка, самокатчики и артиллеристы.

Когда на Казанском вокзале были обнаружены винтовки, то последние на грузовиках были доставлены в Сокольнические мастерские и в ВРК. Из Симоновского склада были доставлены патроны. Часть винтовок и патронов была передана в распоряжение центрального ВРК. Рабочие Сокольнического района принимали участие в боях у Мясницких ворот, у «Метрополя», Кремля, дома градоначальника и позднее — на Кудринской площади.

У железнодорожников, объединенных железнодорожным штабом, отряд насчитывал сначала до 300 человек, затем он пополнился. Они были вооружены винтовками, которые разыскали на путях Казанской железной дороги. Железнодорожники выручили ряд районов. Товарищи из Сущевско-марьинского района рассказывают, что железнодорожники дали им 12 ящиков винтовок. Как известно, от них получили винтовки и лефортовцы и частью симоновцы. Из винтовок, захваченных на Казанском вокзале, 400 штук досталось одному только заводу АМО.

Железнодорожники-красногвардейцы охраняли железнодорожные пути, телеграф, телефон, часть их участвовала во взятии телефонной станции и в обстреле Кремля. В захвате телефонной станции, почты и телеграфа принимали участие и красногвардейцы Городского района и солдаты (частично) 25-го

[1] „Октябрь 1917 — 1922 гг.“, юбилейный журнал революционных воспоминаний слушателей Военной академии РККА, стр. 25—27, изд. Военно-научного общества, М. 1922 г.

полка. Почта и телеграф войсками ВРК были взяты 29 октября, телефонная станция — 1 ноября.

Рабочие Пресненского района участвовали в боях в окрестностях Никитской, Поварской, Арбата и др. Оружие получили от Моссовета. Юнкера у Никитских ворот шесть раз старались прорваться к совету, но каждый раз революционные войска опрокидывали их. Наибольшего напряжения бои в районе Никитской, Моховой и соседних улиц достигли 30 октября и накануне перемирия — 1 ноября. Юнкера и студенты с белыми бантами на правом рукаве цепями наступали вдоль улиц. При атаках дело доходило до штыковых боев.

В Сущевско-марьинском районе отряд красногвардейцев, главным образом военно-артиллерийского завода в составе 42 человек, был вначале вооружен 11 винтовками (разных конструкций) и примерно 25 револьверами. По приказу штаба, отряд занял театр «Олимпия». Уже в первую ночь театр был обстрелян подъехавшими на двух автомобилях белогвардейцами. Отряд отвечал на обстрел очень скупо. Попытка обратиться за поддержкой к рабочим Тормозного завода и другим предприятиям не дала результатов. Рабочие первым делом просили оружия.

Несколько ящиков винтовок получили из Сокольнического района. Ружей было привезено так много, что потом делились с Бутырским и Алексеевско-ростокинским районами. Патроны достали частью в комиссариате, частью отобрали во время обысков (в одном месте было найдено 1 800 патронов). Достав ружья и патроны, приступили к организации особой дружины, получившей название «огневой». В нее вошли самые надежные товарищи, которые обещали «пойти куда угодно на завоевание власти, жизнь отдать за это дело». Потом удалось достать пулемет. Дружина участвовала в боях у Кремля и в районе Страстной площади. В Сущевско-марьинском районе боев не было.

Таким образом в боях на стороне ВРК участвовали: артиллерия, отдельные пехотные воинские части и вооруженные рабочие. Орудия 1-й артиллерийской бригады стояли на Страстной, около Моссовета, позднее — у Зоологического сада и на Кудринской площади. Кое-где бойцы были обеспечены не только винтовками, но и пулеметами и бомбометами. Кроме того красногвардейцы и солдаты Москвы, участвовавшие в уличных боях, получили подкрепление со стороны провинции. Прибыло оружие из Тулы, подоспели отряды красногвардейцев из разных пунктов области.

Для пролетарского восстания характерна именно эта черта: оно привлекает в самый решающий момент значительно большее количество бойцов, нежели то, какое имеется за день и даже за час до восстания. Решительное выступление против капитала мгновенно втягивает в борьбу ту часть сочувственно настроенной массы рабочих, которая еще не включилась в ряды

взявших оружие. Это мы наблюдаем везде в октябрьские дни и в борьбе с внутренней контрреволюцией и интервенцией.

Мы конечно весьма далеки от того, чтобы за технической готовностью признать исключительную и превалирующую роль и в зависимости от нее одной ставить разрешение проблемы захвата власти. Как известно, переоценкой военно-технического момента страдала накануне восстания часть руководящих работников военной организации в Петрограде, считавшая захват власти недостаточно обеспеченным именно в этом отношении. Ход восстания в Петрограде и в Москве показал, что отдельные недочеты и пробелы военно-технической подготовки сторицей восполняются и окупаются другими боевыми качествами отрядов восстания. Однако самый успех восстания обеспечивается именно сочетанием пролетарского героизма и энтузиазма с максимально возможным уровнем военно-боевой подготовки.

Белые с первых дней вели себя решительно, между тем как красногвардейцы вначале иногда не стояли на высоте требований боевой бдительности и стойкости. Характерны случаи, когда белогвардейцам удавалось забирать в плен десятки вооруженных солдат и красногвардейцев и обманным путем проходить через заставы ВРК под видом солдат 193-го полка[1]. Юнкера выходили из боев с меньшими жертвами, чем войска ВРК. Бывали случаи, когда красногвардейцы, понеся значительные потери, покидали здания, а юнкера без боя занимали их. Но позднее красногвардейцы и солдаты уже приспособились к тактике ведения уличного боя. Многие из них (в частности в районе Пречистенки и Остоженки) обстреливали осаждаемые здания с крыш и чердаков соседних домов; бывали случаи, когда они перебирались, кладя доски между окнами двух соседних зданий. Но эта выучка далась уже только в самой практике боя.

Повторяем еще раз, что тактическая, военно-техническая и оперативная стороны проведения восстания в Москве стояли на низком уровне. В значительной мере большевики-руководители районов и отдельных отрядов сами (особенно в первые дни) добывали оружие, распределяли его, разрабатывали план проведения отдельных операций и тактику боя, не имея четкого представления о ходе военных действий во всех районах. Центральный ВРК в первую очередь обращал внимание на ближайший к нему район и здесь в некоторой мере руководил военными действиями, но на все районы его влияние не распространялось в такой степени, чтобы можно было говорить об его оперативном руководстве. Однако процесс шел в одном направлении — все районы к 1 ноября переносят центр внимания на борьбу в центре города против Кремля. В первую очередь

[1] См. сб. „Октябрьское восстание в Москве“, „Белогвардейские приказы и донесения“, стр. 77.

31 октября сам ВРК становится на твердую позицию и занимает наконец положение центрального оперативного органа. Им дается ряд распоряжений районным ВРК.

31 же октября Подольскому совету было приказано привести в Москву 1 тыс. человек, а Мызо-раевскому ВРК — 500; 1 ноября Тверскому ВРК — отправить в Москву 57 и 196-й полки и тяжелый артиллерийский дивизион. В приказах сказано: «Приказ подлежит исполнению без промедления»[1].

Вероятно именно к этим дням относится набросок (возможно черновик приказа) под заголовком «Общий план революционной армии», в котором зафиксированы следующие пункты:

> «1. Все военные действия направляются к одному центру.
>
> 2. Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.
>
> 3. Не упускать из виду, что тыл для районов небезопасен, и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.
>
> 4. Действия решительные и энергичные».
>
> Карандашом приписано:
>
> «5. Наивозможно меньшее пролитие крови.
>
> 6. Охрана безопасности населения»[2].

В это время кольцо вокруг Кремля сжималось все теснее. Центральное положение, обеспечивающее белогвардейцам преимущество в начале боев, обратилось теперь против них с самой невыгодной стороны. Отдельные районы, закрепившись у себя, настойчиво наступали на белогвардейцев со всех улиц и ближайших переулков. Обстрел Кремля артиллерией окончательно дезорганизовал противника. Теперь ожесточенные бои ведутся в самом центре; против отдельных зданий («Метрополь» и др.) действуют пехота и артиллерия ВРК.

Утром 2 ноября был взят «Метрополь», занята городская дума, и наконец войска ВРК влились на Красную площадь. Белые стали отступать в районы Никитской, Арбата, Пречистенки и др. 2 ноября юнкера покидают Кремль и концентрируются в Александровском училише. Во время активных действий враги революции пытаются посредством переговоров сорвать успехи ВРК. 29 и 30 октября объявляется перемирие по требованию Викжеля (фактически перемирие не соблюдалось). 31 октября с предложением перемирия выступают представители губернского совета крестьянских депутатов и комитета объединенцев. Наконец, утром 2 ноября комитет общественной безопасности ставит вопрос о прекращении вооруженной борьбы. Теперь ВРК проявляет твердость. Белые вынуждены сдаться.

[1] Сб. „Октябрьское восстание в Москве", стр. 197.
[2] Там же, стр. 198.

Переговоры нервировали рабочих и солдат. Так например артиллеристы 1-й бригады заявили по поводу перемирия с 29 на 30 октября (по инициативе Викжеля) о своем подчинении решению ВРК, но указывали, что «уступок при переговорах никаких быть не может, ибо спасение России и революции должно стоять выше интересов капиталистов»[1].

Москва победила благодаря энтузиазму и героизму пролетариата, увлекшему за собой подавляющую массу солдат гарнизона, и твердости большевиков, стоявших на ленинских позициях и сумевших организовать движение в районах.

Еще в момент переговоров с Рябцевым для организации восстания в районы был направлен ряд руководящих работников московской организации, в том числе В. Н. Яковлева, Иннокентий Стуков и др. В Рогожско-симоновском районе активную роль сыграла Землячка, в Городском районе — делегированный МК Бобинский и член военного бюро при МК Варенцова и др. В Замоскворечьи активную пропагандистскую работу среди восставших вели Покровский, Степанов, Ольминский и др. Держали связь с Замоскворечьем В. Н. Яковлева, с Сокольническим районом — Пятницкий и т. д.

Районы были богаты энтузиастами, бойцами. Вся партийная масса активно участвовала в восстании. Одни в роли бойцов с оружием в руках, другие в роли разведчиков, санитаров, связистов, третьи в роли агитаторов, пропагандистов и т. д. Большевик везде и всюду выступал в роли организатора и вожака массы, увлекая ее за собою.

Победа в Москве создавала прочную опору для советской власти во всей области, тяготевшей к ней. Переход власти в руки советов, осуществлявшийся всюду в области пролетарской вооруженной рукой и при поддержке революционных солдат, отнюдь не носил такого затяжного и кровавого характера, как в Москве. С этой точки зрения основным показателем боеспособности пролетариата в том или ином центре или районе в указанный период являлась не столько активность, проявленная в организации переворота, сколько активность в деле оказания помощи Москве.

Опыт проведения восстания в Москве учит нас тому, что затяжная форма борьбы, «позиционная», особенно неприемлема для восставших, что единственной правильной формой является непрерывное наступление, при котором окопы и баррикады используются лишь как средства остановки действий главным образом механизированных частей противника.

Опыт Москвы учит нас также тому, как важно для успеха восстания не только завоевание большевиками авторитета среди солдатской массы, но и организационно-политическое закрепле-

[1] Сб. „Октябрьское восстание в Москве", стр. 195.

ние влияния партий также в руководящих органах этой массы — в совете и его исполкоме.

Благодаря тому, что масса солдат шла за большевиками, удалось добиться ее активного участия в восстании, и организованному и лучше подкованному в техническом отношении врагу, революция смогла и в Москве противопоставить не только револьверы и винтовки, но и пушки, бомбометы, самолеты и т. п. Победу в Москве, как и в Петрограде, дало комбинированное воздействие всех видов оружия и в особенности артиллерии. Когда загрохотали пушки, враг не только страдал оттого, что нес физический урон и видел в артиллерийском обстреле угрозу жизни защитников буржуазной власти, — он окончательно был раздавлен морально. При невозможности для себя опереться на массу он увидел, что эта масса, выступавшая вначале чуть ли не безоружной, имела теперь на своей стороне почти все достижения военной техники и в результате горького и тяжелого опыта предшествующих дней с большим успехом усваивала и применяла правила военного искусства, организованно сжимая кольцо вокруг врага от окраин к центру. Враг вынужден был сдаться. В победе над ним выявились, несмотря на отдельные ошибки руководства, твердая воля авангарда — партии — к борьбе и сокрушению сил контрреволюции, зрелость, организованность и закалка пролетариата.

Московская партийная организация сыграла основную роль в деле обеспечения октябрьской победы в Москве. Лучшие силы организации были брошены в военно-революционные комитеты в районах, где бои имели решающее значение. В низовых ячейках, на фабриках и заводах, большевики явились организаторами и руководителями фабзавкомов, этих основных организаторов Красной гвардии на местах. Огромную роль в мобилизации масс и организации победы сыграла партийная печать. Орган Московского комитета аккуратно выходил во все дни боевых действий. Его издание было перенесено в наиболее сильный пролетарский район — в Замоскворечье. Кроме того военно-революционные комитеты в районах издавали специальные бюллетени, сыгравшие боевую роль в операциях против белых. Бюллетени эти прямо направляли вооруженных рабочих на те пункты, которые в данный момент требовали подкрепления.

Решающую роль сыграла московская партийная организация как в деле выправления ошибок ВРК, допущенных им в первые дни восстания, так и в деле окончательного закрепления достигнутого перелома и тем самым обеспечения окончательной победы московского пролетариата.

Из воспоминаний участников революционных событий тт. ДЕМИДОВА, ТУЛЯКОВА И ДР.

Завод „Мастяжарт"

Мы шли к Октябрю

«Мастяжарт» возник в 1916 г. после того, как царская армия в конце 1915 г. потерпела ряд крупнейших поражений на германском и австрийском фронтах. Отступление — бегство с Карпат, из Галиции, из-под Сольдао в Восточной Пруссии, сдача всех крепостей Западного края, массовая потеря артиллерийского и другого военного имущества — поставили перед командованием вопрос об организации артиллерийских мастерских для приспособления эвакуированных крепостных орудий к действиям полевой войны.

В Москве на Ладожской улице в полуразрушенных банях бывш. Шустрова было организовано несколько цехов, предназначенных главным образом для переделки лафетов орудий и зарядных передков. Первоначальными кадрами рабочих и хозяйственно-технической базой московских мастерских тяжело-осадной артиллерии явились мелкие эвакуированные мастерские крепостей: Бреста, Ивангорода, Оссовца и др.

К весне 1916 г. положение на фронте заставило командование организовать до 20 цехов с количеством рабочих в 2 тыс. человек. В мастерских помимо ремонта тяжелых орудий стали вырабатываться шорные изделия, военная амуниция, артиллерийские и кавалерийские седла и прочие мелкие артиллерийские принадлежности.

К Февральской революции «Мастяжарт» представлял собой универсальный завод. На нем производились и сборка присланных союзниками (Францией и Японией) полевых гаубиц и мелкий ремонт подбитых орудий, возвращаемых с фронта. «Мастяжарт» стал целиком снабжать артиллерийским имуществом вновь формирующиеся дивизионы.

В «Мастяжарт» собирались из воинских частей рабочие-солдаты разных квалификаций, начиная от слесарей, токарей, кузнецов, столяров, кончая сапожниками, портными и веревочниками. По социальному составу преобладали крестьяне и кустари, и только в механических цехах большинство составляли

индустриальные квалифицированные рабочие. Но надо отметить одно весьма важное обстоятельство: почти вся масса рабочих, достигшая к моменту Февральской революции 3 тыс. человек, прошла все ужасы империалистической войны. Исключение представляла некоторая часть служащих и врачи обслуживающей команды, которые были приняты за взятки,—это были окопавшиеся московские буржуйчики. Администрация состояла из офицеров и военных чиновников, до 99% из них были строевые, укрывшиеся от фронта, и молодняк, только что окончивший техническое военное учебное заведение.

Работали 10—11 часов в сутки. Остальное время рабочие находились под строгим наблюдением офицеров и фельдфебелей. После 6-часового сна сгоняли на строевые занятия, которые продолжались два-три часа. Делалось это для «поддержания дисциплины» среди рабочих. Во главе «Мастяжарта» стоял капитан Кадрян.

Кадрян был румынским дворянином, кадровым офицером царской армии верным слугой своего класса. Он принимал самое активное участие в подавлении рабочих выступлений и забастовок в 1905 г. В мае 1916 г., при посещении завода князем Голицыным, Кадрян открыто заявил, что у него имеется большой опыт борьбы с крамолой. «Я собственными руками расстреливал и вешал внутренних врагов, бунтовавших против царя-батюшки». У администрации завода, кстати технически безграмотной, сложилось понятие, что солдат «все может», нужно только уметь приказать, а за малейшее непослушание сурово наказывать.

Очень часто рабочих после тяжелого трудового дня ставили на 2 часа под ружье. Подпоручик Гардиевский организовал даже особые «холодные», никогда не отапливаемые камеры. Он же организовал исправительную команду; в нее попадали за всякого рода «неблаговидные» проступки. На работу наказанных приводили под конвоем, передавали заводской жандармерии, которая, сопровождала их до станка́; после работы жандармы сопровождали их обратно. Внутри команды «штрафным» солдатам запрещалось читать, громко разговаривать и петь. Это была самая настоящая дисциплинарная рота. Была еще одна мера наказания — отправка под конвоем с соответствующей характеристикой на передовые линии фронта.

Избиение солдат было повседневным явлением; бил сам Кадрян, били и его ближайшие верные соратники: механик Лопарь, прапорщик Кузьмин, техник Петухов, прапорщик Протасов (бывший артист). Особой жестокостью отличался подпоручик Гардиевский. Рукоприкладство применялось по всякому поводу.

Жалованье рабочим было установлено по 75 коп. в месяц. Рабочие, произведенные в мастеровые с нашивками, получали, по числу нашивок, от 1 до 4 руб. в месяц. Кроме жалованья

выдавались «наградные». «Наградные» почти целиком попадали в карман офицеров, а рабочие получали полтинники.

Кормили рабочих чечевичной похлебкой и чечевичной кашей, иногда с рыбой-таранкой, иногда с «мясом», в котором попадались выводки мышей. Ужины были не лучше и кормились ими больше поросята, выращиваемые для офицерской столовой.

Рабочие «Мастяжарта» были вынуждены изыскивать дополнительные заработки. Большинство квалифицированных рабочих после 10-часовой ночной работы шло на заводы и фабрики зарабатывать по нескольку рублей в месяц. Но начальство весьма опасалось общения своих рабочих-солдат с рабочими других заводов, боялось настроений, которые могут быть занесены извне на «Мастяжарт».

Жили рабочие в ужасных условиях. Казармы были расположены в районе завода, в законсервированной фабрике Натана в Госпитальном переулке, в недостроенной фабрике Баранова в Кирочном переулке, в трактирах и помещениях кино «Макс Линдер», в Елоховской молельне, так называемой молельне братца Иванушки на Елоховской улице. Все эти помещения были совершенно неприспособлены под жилье, при том под жилье с трехэтажными нарами: скученность в помещении была невероятная, насекомых было так много, что их сметали метелкой на пол. Об отдыхе говорить не приходилось и на работу и с работы рабочие выходили и приходили усталыми.

В основных цехах, особенно среди квалифицированных рабочих, постепенно нарастало глубокое недовольство.

Революционные настроения усиливались по мере возвращения с фронта индустриальных рабочих. Но жесткая дисциплина и система террора долгое время не позволяли рабочим «Мастяжарта» выступить с прямыми революционными действиями. Были только отдельные вспышки.

Однажды городовой на Хапиловской улице задержал двух рабочих, вышедших с завода видимо без пропуска. На выручку двинулись рабочие из ближайшей чайной. К городовому подоспела помощь в лице полицейского патруля и дворников. Началась свалка. Пострадавшими оказались городовые, им солидно намяли бока, поломали шашки.

На другой день, по распоряжению градоначальника, приступили к расследованию. Но Кадряну не улыбалась перспектива открытия виновников: это не соответствовало бы его заявлениям о том, что на «Мастяжарте» железная дисциплина. Имена участников побоища—рабочих он знал, ему об этом донесли. Кадрян сделал распоряжение переодеть всех рабочих. Рабочие менялись шинелями, фуражками, некоторым для этого случая даже выдали новое обмундирование. Расследование не дало результатов.

Рабочие понесли внутреннее наказание, отделались «винтовкой».

Вскоре произошел новый случай. В бачок с чечевицей кашевар положил одному рабочему крысу. К мышам привыкли, но крыса вызвала негодование. Терпенье рабочих лопнуло. Крысу понесли демонстрировать по всей кухне. Обедать никто не стал. Начался своеобразный митинг, нашлись ораторы, говорили об отношении администрации. О митинге доложили Кадряну, и на кухне появилось начальство. Рабочие разошлись по казармам, но возмущение ликвидировать удалось не скоро.

Открытое выступление рабочих одной смены передалось во вторую смену. Общее настроение рабочих поднялось до активного брожения. Кадрян решил принять срочные меры. На следующий день всех рабочих собрали в малярном цехе, с речью выступил сам Кадрян. «Вам здесь живется хорошо, всех, кто пытается проявить недовольство, отправлю на передовую линию окопов». Но жизнь на «Мастяжарте» была настолько тяжела и безотрадна, что окопы перестали пугать.

Выступление рабочих на кухне дало повод администрации усилить систему террора. Выдачу пропусков в город прекратили совершенно. Но все эти воздействия уже не давали прежних результатов. Все чаще происходили случаи непослушания и нарушения воинской дисциплины. На кухне, в цехах нередко слышались реплики и едкие замечания по адресу администрации. В казармы проникали сведения о революционных настроениях на других заводах. Рабочие собирались группами, обсуждали политические вопросы. На гармонике и балалайке все чаще играли революционные песни.

Среди рабочих, как выяснилось после, имелись члены разных социалистических партий, но обстановка террора не позволяла узнать друг друга и объединиться. Эти товарищи старались путем пропаганды поднять и углубить настроение рабочих.

В казармах, расположенных в бывш. булочной Ратникова, на чердаке, около т. Демидова собиралась группа беспартийных рабочих, среди них были Туляков, Вармин из деревообделочного отдела, Балашов от шорного отдела и др. Велись беседы на политические темы, обсуждались местные вопросы.

Пропаганда велась и путем распространения социалистической литературы по казармам и в цехах во время работы ночной смены.

27 февраля по «Мастяжарту» пронеслись слухи, что в Питере неспокойно, что голодные рабочие вышли на улицу, громят продовольственные лавки и требуют хлеба. Говорили о том, что там на баррикадах рабочие борются с полицией.

Внешне в Москве было спокойно[1]. Среди рабочих «Мастяжарта» стало заметно повышенное настроение, начальство, наоборот, сделалось каким-то незаметным, запуганным, маленьким.

[1] Забастовки на заводах и фабриках Москвы начались 27 февраля. (Прим. ред.).

Оно лучше знало действительное положение вещей, рабочие же только догадывались.

Не изменился только капитан Кадрян. Он вихрем носился с дубинкой по заводу, рассыпая ругательства направо и налево. Ближайшим соратникам его стал поручик Гардиевский. Жандармы, переведенные из градоначальства, еще зорче следили за рабочими в казармах.

28 февраля слухи о событиях в Питере стали увереннее, нашли подтверждение. Рабочие начали готовиться к революционным действиям. Правда, готовились неорганизованно, каждый решал вопрос внутри себя и за себя, но в целом производственные цехи к выступлению были подготовлены. Необходим был толчок извне, и выступление началось бы немедленно. В этот вечер много рабочих самовольно отлучилось — пошли на разведку в город.

На следующий день, 1 марта, около 12 час. дня на «Мастяжарт» пришла с соседних фабрик с красными флагами группа рабочих. Рабочие пришли со стороны Хапиловской улицы, остановились около токарного цеха и стали призывать бросить работу и выйти на улицу. Из токарного и соседних цехов высыпали рабочие, собрались около конторы, начали митинг. Митинг открыл казначей «Мастяжарта» — прапорщик Лагучев. Он пытался уговорить рабочих возвратиться в цехи, указывая, что революция — не дело солдат и что перед ними лежит ответственная задача снабдить фронт, довести войну до победного конца.

Лагучеву не дали окончить речь. На этот же ящик взобрался т. Семенов. Рабочие услышали другие слова. Митинговали недолго, все бросили работу, захватили флаги и вышли на улицу в количестве 200—300 человек. Администрация «Мастяжарта» скрылась; как потом выяснилось, она целые сутки просидела в семейных банях Шустрова.

На улице к демонстрантам присоединилась в полном составе вторая смена, возвращавшаяся с обеда.

На Елоховской улице демонстрация встретила две роты сапер инженерного полка, возвращавшихся с винтовками с учебной стрельбы. Сапер окружили, сделали попытку обезоружить офицеров. Солдаты-саперы запротестовали против этого, но согласились стать во главе нашей колонны и вместе с нами итти к центру. Пройдя некоторое расстояние, неожиданно офицеры сапер скомандовали «бегом», саперы побежали в переулок и скрылись в своих казармах. Мы продолжали свой путь к Покровским казармам.

Около Земляного вала наша колонна разделилась: одна часть пошла выводить солдат из Красных казарм, другая продолжала двигаться вперед. На Покровке в это время происходило следующее. Перед Покровскими казармами выстроилась учебная команда с винтовками «на изготовку». Поведение и внешний вид команды заставляли думать, что революция еще не

докатилась сюда, хотя за спиной молодняка, из окон казармы выглядывали пожилые солдаты, знаками показывавшие, что они смотрят на дело иначе, чем их молодые товарищи, выстроенные перед казармами.

Площадь была залита народом, толпа агитировала среди солдат. Вдруг раздалась военная команда. Рота взяла на прицел. «Пли...» Затрещал залп, толпа шарахнулась в разные стороны; стреляли холостыми, не было ни убитых ни раненых.

Звуки выстрелов все-таки произвели действие. Толпу охватила паника, она отхлынула, часть разбежалась. К вечеру солдаты Покровских казарм сдались.

Рабочие «Мастяжарта», рассыпавшись по Москве, вместе с другими разоружали полицейские участки, отдельных городовых, жандармов и офицеров.

Арестовать капитана Кадряна и поручика Гардиевского не удалось — они своевременно скрылись.

Ночью, когда возвратились в казармы, созвали совещание представителей отдельных казарм. На совещание пригласили трех офицеров, к которым относились с доверием.

Тут же решили:

1) завтра, 2 марта, устроить демонстрацию к городской думе,

2) сменить начальника «Мастяжарта» Кадряна и всех реакционных офицеров и чиновников,

3) организовать в «Мастяжарте» исполнительный комитет на паритетных началах и передать ему управление заводом. В состав комитета наметили семь солдат и семь офицеров.

2 марта исполнительный комитет завода взял на себя руководство революционным выступлением рабочих, и с этого момента «Мастяжарт» представлял крупную организованную революционную силу.

Рабочие с утра явились в мастерские в полном составе, выстроились и по Ладожской улице двинулись в центр к городской думе. На знамени написали: «Да здравствует революция!»

Администрация «Мастяжарта» сообразила, что буржуазная революция победила и что о защите старого думать не приходится; остается только использовать революцию в своих интересах.

Впереди движущейся колонны рабочих неожиданно появился на автомобиле капитан Кадрян и не менее ненавистный рабочим механик Лопарь. Кадрян, распушив свои гвардейские усы, встал во весь рост и закричал: «Братцы, и я с вами, впереди!» Номер не удался, встреченные угрозами и криками возмущения рабочих, Кадрян и Лопарь поспешили ретироваться.

Шествие рабочих к думе было триумфом. Стройные ряды рабочих представляли революционную дисциплинированную воинскую часть (все были одеты в военные шинели).

По пути проверили полицейские участки, арестовали несколько переодетых полицейских, освободили арестованных рабочих

и стройными рядами подошли к думе. Воскресенская площадь (ныне площадь Революции) была запружена колоннами рабочих и солдат; на тротуарах преобладали интеллигенция, мелкая буржуазия, словом «чистая» публика. «Мастяжарт» встретили криками «ура», бросаньем вверх фуражек и шляп. Мы послали в думу своих депутатов с требованием к заседавшему там комитету общественных организаций немедленно удалить из «Мастяжарта» начальника капитана Кадряна и других реакционно настроенных офицеров и передать управление заводом выбранному рабочими исполнительному комитету.

Наше требование вызвало растерянность в комитете общественных организаций. Засевшая здесь буржуазия вообще не рассчитывала, что революция в течение двух дней примет такие размеры. Нас пробовали убедить, что коллективное управление военным заводом — дело новое и несовместимое с принципами воинской организации. Мы ответили (кажется Малянтовичу), что около думы стоят 3 тыс. рабочих, готовых поддержать революционное требование своей делегации. Комитету общественных организаций пришлось уступить, и мы получили следующего содержания бумагу, написанную, кстати сказать, под диктовку рабочих:

«Исполнительный комитет московских общественных организаций. Военный совет, 2 марта 1917 г., г. Москва.

Начальнику Московской мастерской тяжелой и осадной артиллерии:

С получением сего сдайте мастерскую комитету в составе: прапорщики—Свобода, Розанов, Городниченко, Джонсон, Рар, Рег, техник Круз; канониры: Демидов, Галкин, Семенов, ст. фейерверкер Агафонов, Балашов, Николаев, Вармин.

Вы, капитан Кадрян, а также поручик Гардиевский, подпоручик Грачев, прапорщик Кузьмин и з. в. ч. Козлов, устраняетесь от должности.

За получением распоряжений надлежит явиться в исполнительный комитет. Подписал: за председателя Временного исполнительного комитета общественных организаций — Егоров. Скрепил секретарь А. Титов».

С самого начала было ясно, что участие в комитете офицеров, да еще на паритетных началах приведет к борьбе за влияние на рабочих.

Офицерская часть комитета стремилась использовать комитет для агитации за продолжение империалистической войны. Представители рабочих в комитете держались противоположных взглядов.

Президиум комитета был сконструирован в следующем составе: председатель-прапорщик Свобода, товарищ председателя — т. Демидов, секретарь — т. Семенов.

Отношения между рабочими-солдатами и офицерами обострялись с каждой минутой.

3 марта состоялось общее собрание рабочих завода. В повестке дня значилось:

1. Председатель комитета обратится к рабочим с приветствием.
2. Разъяснить рабочим, что не все офицеры их враги и при данных условиях возможно обоюдное примирение.
3. То же о начальствующих из нижних чинов.
4. Разъяснить, что подчинение начальству безусловно необходимо.
5. Вместе с тем выяснить отношение рабочих к членам комитета из господ офицеров. Обязательно убедить их, что настоящий состав ими выбран из лучших людей, готовых работать на общее благо.
6. По поводу отпусков.

Как видно из повестки, в комитете сказывалось влияние офицерского состава. Классовая борьба нарастала.

На следующий день, 4 марта, комитет потребовал у военного совета оружия для рабочих завода, но получил (не сразу) 14 наганов. Для непосредственного управления заводом комитет выбрал из своей среды управляющего офицера, а помощником его — рабочего. Управляющий подчинялся исполнительному комитету и в своей деятельности регулярно отчитывался перед ним и общим собранием рабочих.

17 апреля на заводе организовался совет старост, объединивший вокруг себя рабочих производственного цеха. Старостат разбирал вопросы только рабочего порядка и являлся ближайшим помощником рабочей части комитета.

При выборах членов комитета или в совет солдатских депутатов старостат был проводником и агитатором за кандидатов, выдвигаемых ячейкой большевиков. Представителями в совет солдатских депутатов от нас всегда выбирались большевики— тт. Туляков, Зуев и др.

Постепенно ясная политика и программа большевиков создали перелом в настроении рабочих. Бой с соглашателями был дан на митинге о «займе свободы». К этому моменту готовились и офицеры и рабочие. Председатель комитета прапорщик Свобода пригласил в качестве докладчика кадета — полковника саперных войск, эсеры также достали докладчиков из центра. Тов. Демидов притащил с нашей стороны тт. Аросева и Бобинского. На митинг собрались все рабочие завода.

Кадет выступил с программой войны до победного конца и призывом о поддержании «займа свободы». Полковнику-кадету не дали договорить до конца, рабочие засвистали, затопали ногами, закричали «долой».

Эсеры сообразили, что говорить о поддержке Временного правительства и о «займе свободы» рискованно, и воздержались от выступления.

Кадета под охраной офицеров выставили с завода.

После выступления большевиков Аросева и Бобинского на трибуну вышел т. Демидов, предложивший на «заем свободы» не подписываться, а снять колокола с церквей и ободрать позолоту с храмов Христа спасителя и Василия Блаженного. «Ведь царь объявил войну за веру и православное отечество...»

Была принята резолюция протеста против «займа свободы» и поддержки Временного правительства. Эта резолюция как обухом ударила по головам эсеров и меньшевиков. С этого момента «Мастяжарт» пошел за большевиками.

На ближайшем общем собрании комитет переизбрали, в состав комитета ввели четырнадцать солдат вместо семи; количество офицеров осталось прежнее.

Бывшего председателя комитета прапорщика Свободу не переизбрали и постановили уволить с завода.

Изменение состава комитета, а затем замена председателя комитета прапорщика Свободы канониром, большевиком Семеновым вызвали среди офицеров суматоху. Московский совет солдатских депутатов прислал для разбора дела комиссию, куда входили только эсеры и меньшевики. Собрав рабочих по цехам, комиссия предложила переизбрать состав комитета, восстановить в правах прапорщика Свободу, но солдаты-рабочие решительно отвергли предложения комиссии. Тогда комиссия пробовала взять солдат на испуг, грозила закрыть завод. Но солдаты знали себе цену, и всякие попытки комиссии уговорить или напугать не имели успеха. Комитет был оставлен в новом составе. Прапорщика Свободу с завода убрали.

Влияние большевиков «Мастяжарта» распространилось на соседние предприятия. Бывало, при выборах в советы Басманного и Лефортовского районов большевики этих районов приглашали нас для участия в их советах.

Политическая жизнь забурлила во всех цехах и командах. Стали складываться организации политических партий. Первоначально самой сильной партией на заводе была партия социалистов-революционеров. Активистами-эсерами, организаторами на заводе были машинист Таранов, Осипенко и примкнувшие к ним офицеры и чиновники завода. Социал-демократы большевики сначала успеха не имели.

Но после того как большевики разъяснили рабочим на частых собраниях и беседах сущность политики Временного правительства и непролетарскую программу эсеров, большинство рабочих пошло за большевиками. К «Мастяжарту» Московский комитет партии большевиков прикрепил ряд лучших агитаторов и ораторов — тт. Аросева, Емельяна Ярославского, Бухарина, Гришу Усиевича.

Во второй половине июня 1917 г. правительство Керенского объявило наступление на фронте. На общезаводском собрании рабочие голосовали против наступления и за прекращение импе-

риалистической войны. В районе расположения рабочих казарм нашего завода все время проходили летучие митинги, иногда кончавшиеся кулачными схватками. Однажды наши солдаты проделали следующее: горячих сторонников наступления притащили в казарму и предложили им присоединиться к дивизиону, отправляющемуся на фронт. На самом деле никакого дивизиона не было. Горячие сторонники наступления стали упрашивать отпустить их, давали клятву никогда не выступать за продолжение войны: «Мы, дескать, говорили это потому, что говорят и другие». Взяв с них подписку, что они не будут выступать за войну, их отпустили. Надо сказать, что наши солдаты никогда больше не встречали этих людей среди митингующих.

Наступление Керенского не удалось. Солдаты не хотели проливать свою кровь ради защиты интересов буржуазии. Большевистский лозунг, брошенный Лениным, «война—империалистической войне» рабочим был понятным, близким. Прекратить войну могли только сами рабочие, взяв власть в свои руки. Ленинский лозунг «вся власть советам» был подхвачен всеми рабочими.

Большевизация масс пошла такими быстрыми темпами, что при голосовании в городскую думу самым популярным списком на «Мастяжарте» был список большевиков — № 5. На всероссийскую конференцию военных организаций, созванную в Петрограде в июне, от большевиков завода были избраны: тт. Демидов, Туляков и Фирсов. На конференции было принято решение призвать на демонстрацию против наступления три гвардейских полка: Преображенский, Московский и Кексгольмский. В эти полки были разосланы делегации. Демидов и Туляков с «Мастяжарта» были посланы в Кексгольмский полк. Нас не допускали в казармы: комитет этого полка состоял в большинстве из офицеров. Из двух входивших в комитет солдат один был меньшевиком, другой — эсером. Председатель комитета заявил, что сегодня они отправляют маршевую роту, поэтому разрешить вход в казармы не может, но что разрешит это через несколько дней. Но около казарм уже собрался митинг. Оказывается, Демидов ходил по казармам и собрал солдат. Крюков, стоя на бочке, делал доклад. Комитет стал протестовать, Крюкова столкнули с бочки. Но солдаты были на стороне делегатов. Избрали председателя митинга, дали слово Крюкову, потом Демидову. Мы требовали отменить выступление маршевой роты. Солдаты приняли нашу резолюцию: «Заслушав доклад представителей Московского совета и делегации всероссийской конференции военных организаций большевиков, собрание постановило переизбрать полковой комитет и призвать полк на демонстрацию против наступления».

Комитет был переизбран на этом же собрании. Утром весь полк вышел с нами, за исключением офицерства, меньшевиков и эсеров.

Из Петрограда делегация возвратилась с двумя старыми большевиками — Масленниковым и Осиповым, бежавшими от преследования начальства на фронте за большевистские убеждения. Прием на военный завод двух старых большевиков свидетельствует, что заводом заправляли большевики. На «Мастяжарте» организовалась большевистская партийная ячейка военной организации, согласно резолюции и уставу всероссийской конференции военных организаций.

Секретарем ячейки был избран т. Масленников. С организацией ячейки партийная жизнь забила ключом.

Партийные директивы на завод обычно доставлял т. Демидов. Он все время был тесно связан с Московским комитетом партии и с клубом военных организаций, который помещался на Самотечном, 25.

В июльские дни комитет партии и фракция большевиков Моссовета призвали партийные организации Москвы организовать мирные демонстрации. Построенные в колонны рабочие «Мастяжарта» двинулись через Разгуляй к Красным воротам и дальше по Мясницкой к зданию Моссовета, куда должны были явиться все организации.

Юнкера и казаки были наготове. Лефортовский комитет партии большевиков и демонстранты района были рассеяны казацким патрулем, знамя их порвали. Были попытки напасть и на колонну мастяжартовцев. У Красных ворот представитель Московского совета солдатских депутатов — меньшевик потребовал немедленного возвращения в казармы. Демонстрация, по его словам, отменена. Но в то же время стало известно, что демонстрация запрещена вопреки протестам фракции большевиков совета.

Московский комитет партии также не отменял своей директивы, и мастяжартовцы решили продолжать свой путь к Московскому совету.

Июльская демонстрация во многом отличалась от всех демонстраций после Февральской революции. Тогда демонстрации напоминали больше праздничные шествия после одержанной победы. Тротуар и мостовая в те дни были в общем единодушны.

Сейчас картина резко изменилась. С густо запруженных тротуаров публика провожала демонстрантов озлобленными выкриками и оскорблениями А по мостовой шагали колонны рабочих, понявших, что начинается по-новому классовая борьба. На этот раз рабочие демонстрировали свою готовность к пролетарской революции.

Буржуазия сплошной стеной двигалась за рабочей колонной по тротуарам, злобными выпадами пытаясь дезорганизовать рабочие ряды. Рабочие тесней сомкнулись и по центральным улицам дошли до Московского совета. Со стороны Тверской улицы и соседних переулков к памятнику Скобелева подошли колонны рабочих с других предприятий.

На пьедестал взошел кто-то из Московского комитета — социал-демократ (большевик) и открыл митинг. Сменилось много ораторов. Послышались горячие призывы к борьбе за передачу власти советам и против империалистической войны и пр. Это был первый день, когда у памятника Скобелева и Московского совета перед значительной массой выступали пролетарские ораторы. Раньше с этой трибуны выступали исключительно кадеты, редко эсеры, а аудиторией были шатающиеся по Тверской буржуазия и офицерство. Большевиков же, пытавшихся «фуксом» выступить, стаскивали с пьедестала и направляли в соседний милицейский участок.

Митинг продолжался недолго. Рабочие колонны оказались вскоре стесненными со всех сторон огромной толпой вооруженных офицеров и оголтелой буржуазной публикой. Столкновение было неизбежно, но рабочие не имели никакого оружия. Только отдельные демонстранты по собственной инициативе запаслись револьвером или бомбой.

На поддержку со стороны Московского совета никто не рассчитывал. Решили оставить опасное место и направиться к Московскому комитету большевиков, в бывшее Капцовское училище.

Рабочие снова построились в колонны и стали пересекать Тверскую улицу. Буржуазная публика обнаглела, окружила рабочих и повела наступление. Отставших рабочих окружали и избивали. Потребовались колоссальная выдержка и сплоченность рабочих, чтобы благополучно пройти этот опасный участок.

До Капцовского училища дошли благополучно, сдали там знамена и решили поодиночке разойтись по районам. Значительной части рабочих пришлось вернуться обратно через Тверскую. И вот тут началась за ними погоня. Крики «держи шпиона» неслись в воздухе. Остервенелая буржуазия гонялась за рабочими и за всеми, кто был бедно одет, избивала их и отправляла в участок. Останавливали трамваи, вытаскивали оттуда рабочих и арестовывали.

Рабочим «Мастяжарта», за малым исключением, удалось благополучно возвратиться на завод.

В «Мастяжарт» после июльских дней начали стекаться преследуемые солдаты-революционеры. В июне организовалась ячейка большевиков, до этого существовала военная организация. После июльских дней ячейка выросла с 20 до 300 человек.

Комитет снова переизбрали. Голосование было тайным. Прошел список ячейки.

Июльское выступление показало рабочим завода, что буржуазия власти своей без боя не уступит и что следовательно нужно деятельно готовиться к вооруженной борьбе.

Через короткое время на «Мастяжарте» создана была Красная гвардия. Все рабочие по роду оружия были разбиты на роты, взводы. Нехватало только... самого оружия.

В отрядах происходили регулярные занятия. У нас было всего 25 учебных винтовок и берданок, обучалось же до тысячи рабочих. Но боевое настроение рабочих крепло, весь завод деятельно готовился к боям.

После ареста т. Аросева, агитатора от МК[1], часто выступавшего у нас на заводе, рабочие выставили требование немедленно освободить его. Под требованием подписался почти весь завод. Вскоре т. Аросев был освобожден.

Эсеры сделали последнюю попытку повлиять на настроение рабочих. После июльских дней на одном из митингов появился эсер, прапорщик; он начал критиковать большевиков за июльское выступление и между прочим повторил гнусную клевету на Ленина о «пломбированном вагоне». Возмущение рабочих было так велико, что только благодаря личной защите популярных членов комитета и большевиков эсеру удалось спастись от расправы рабочих.

В августе правительство Керенского в Москве созвало государственное совещание, своего рода земский собор, полагая, что в Москве можно будет более спокойно столковаться с буржуазией о разделении власти.

Расчеты не оправдались. Московский пролетариат хорошо понимал, что можно ожидать от сговора соглашателей и буржуазии. На земский собор рабочая Москва ответила однодневной забастовкой; мастяжартовцы проявили исключительную солидарность: бастовал весь завод.

Наша партия большевиков все чаще и чаще призывала готовиться к решительному выступлению.

Комитет и ячейка начали поиски оружия. Оружия нам не давали, ибо все знали, что завод «Мастяжарт» — «очаг большевизма». С большим трудом, под предлогом охраны военного имущества, удалось добиться в артиллерийском ведомстве еще 25 берданок.

Вопрос о вооружении красногвардейцев в Москве фактически разрешался только в процессе боя. Все оружие находилось в арсеналах под охраной юнкеров. На областной Московской конференции военных организаций можно было слышать жалобу на недостачу оружия даже в строевых частях. Это очевидно объяснялось, с одной стороны, общим недостатком винтовок, с другой — опасением держать тыловые части хорошо вооруженными. Конференция приняла единогласное решение усиленно готовиться к выступлению для захвата власти.

18 октября на заводе состоялось общее собрание рабочих, председателем был Демидов, секретарем Туляков. На этом собрании приняли следующую резолюцию:

1 Аросев был арестован в Твери после демонстрации 18 июня (Прим. ред.).

«Собрание Московской мастерской тяжело-осадных артиллерий в числе 800 человек, обсудив вопрос о текущем моменте, считает, при таком положении дел, более чем когда бы то ни было необходимым немедленный переход власти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Мы требуем от советов, чтобы они теперь же приступили к действию»[1].

Мы шли к Октябрю.

[1] Опубликована в газете „Деревенская правда" № 7 от 18 октября 1917 г. под заглавием „Солдаты о власти советов".

Воспоминания
С. Д. НОСОВА[1].

Замоскворецкий трампарк

На линии огня

В начале Февральской революции я работал токарем по металлу в Замоскворецком трампарке.

В парке утром и вечером собирались митинги рабочих, но я еще многого не понимал из того, что на них говорилось.

Большевиков в подвижном составе парка было мало: Жуков, Шлембауман, Исаев — их я узнал позже. Вначале они не имели большого влияния на рабочих. Авторитетом здесь пользовались эсеры, меньшевики и анархисты. Все эти «деятели» устраивали лекции, митинги, собрания.

Мало-помалу события развертывались, и рабочие стали различать, кто с ними, кто против них. С нами, молодежью, большевики говорили по-взрослому, серьезно, по-товарищески. Это были товарищи Широков и Исаев. Такое отношение нас очень ободрило. Они же предложили собрать молодежь.

Собралось нас всего человек двадцать, на собрание пришли тт. Исаев и Широков; они указали, что молодежи надо организоваться и вести культурную работу. На этом собрании было решено организовать культурно-просветительный кружок молодежи, председателем кружка выбрали меня, а секретарем — Николая Яценко, он же был и казначеем.

1 Тов. Носов, С. Д. родился в 1897 г. в Донбассе на Брянцевском соляном руднике Соляного района в семье рабочего-шахтера. До 1912 г.— батрак, затем чернорабочий на Брянцевском соляном руднике, токарь на заводе Гужона (Московский завод подъемных сооружений) и на ряде других заводов. Участник забастовок. В 1918 г. вступил в партию. До 1920 г. работал в Апаковском трамвайном парке. В 1920 г. был мобилизован Замоскворецким райкомом и назначен комиссаром 6-го производственного участка Москвотопа. Летом 1921 г. был направлен МК особоуполномоченным по разгрузке товарообменных пунктов. В 1922 г. был избран председателем кооператива Москвотопа Городских железных дорог. С 1924 по 1927 г. работал токарем по металлу в Апаковском трамвайном парке. Был секретарем партячейки, в то же время учился на курсах марксизма-ленинизма. Затем работал секретарем парторганизации завода им. Молотова, ведя в то же время преподавательскую работу по общественным дисциплинам. С 1932 г. работал в качестве заведующего массовым отделом Ленинского райкома. Избирался неоднократно членом Моссовета и Ленинского райкома ВКП(б).

Вокруг нас стала группироваться молодежь. Мы часто собирались и горячо обсуждали всякие вопросы. Помню, вначале на нескольких заседаниях долго спорили, какая у нас должна быть печать. Одни говорили, что на печати должно значиться: «Культурно-просветительный кружок рабочей молодежи при Замоскворецком трампарке»; молодежь из конторы была недовольна тем, что нет слов «служащей молодежи», и грозила отколоться от нас. В конце концов примирились на компромиссе — на печати было написано: «трудящейся молодежи»; это всех удовлетворило. Мы вели культурно-просветительную работу, ставили спектакли. Но затем больше стали обращать внимание на свое положение в производстве. Наше положение мало изменилось.

На общих собраниях говорили много, а толку было мало. Местком в подвижном составе состоял человек из двадцати, заседал часто, а Федотов, заведующий подвижным составом, и Шишков, мастер, продолжали делать свое дело, с нами продолжали обращаться грубо, жили мы по-собачьи. Мы воспринимали такое отношение очень болезненно и часто говорили об этом на своих собраниях молодежи.

Отдельные администраторы, в частности старший мастер Шишков, видя, что вокруг меня группируется молодежь, стали уговаривать меня вступить в партию эсеров, но им втянуть меня не удалось.

Мы стали меньше заниматься спектаклями, начали коллективно ходить в трактир «попить чайку». Сюда приходили тт. Исаев, Широков и др.; здесь они читали вслух газеты, делились своими мнениями по прочитанному и назревшим событиям. Трактир Пустошкина на Калужской площади вскоре стал местом, где мы собирались уже даже без предварительного сговора. В этом своеобразном клубе впервые зародилась и оформилась мысль о создании отряда Красной гвардии.

У всех нас было большое желание приобрести оружие. Однажды мы даже подняли этот вопрос на общем собрании, предложили составить список, внести деньги и заказать револьверы на Тульском заводе, однако ничего из этого не вышло.

Эсер Шишков продолжал меня упорно «обрабатывать», высмеивая наши стремления вооружиться; а я, по правде сказать, как следует не мог обосновать наши стремления и дать ему отпор. Шишков был неплохим оратором и не без успеха выступал на каждом собрании рабочих. Но время шло, авторитет Шишкова стал падать, все тесней вокруг большевиков стали группироваться рабочие. На собраниях положение стало изменяться в пользу Исаева и других наших товарищей. Но я еще очень многого не понимал и стремился повидать отца. Отец у меня старый член партии, участвовал в революционном движении с 1905 г. Отцовские беседы влияли не только на меня, но и на всю нашу семью, большинство которой сейчас члены партии[1]. Через пару

[1] О Д. Носове см. упоминание в ст. Зе[illegible]ного сб. „Борьба за Октябрь на Артемовщине", стр. 240—242, 1929 г.

недель я уже беседовал с отцом. Он сумел как-то очень просто объяснить мне, что вот власть, которую мы сами создадим, будет самая сильная и только она будет продолжать революцию.

Отец дополнил мои кое-какие представления об анархистах, меньшевиках и эсерах и помог мне еще больше разобраться в несостоятельности этих партий.

В Москву я вернулся уже не бессловесным слушателем Шишкова и ему подобных. Я научился давать им отпор.

После июльских событий в Петрограде в парке начали чаще поговаривать об организации Красной гвардии. Особенно крепко стали говорить об этом в трактире. Некоторые приносили и показывали револьверы, приобретенные за деньги. Сколько зависти было к этим товарищам. Мне никак не удавалось достать револьвер, как я ни старался. Но все же я однажды тоже «вооружился»: купил за десять рублей артиллерийский тесак у одного знакомого солдата, стоявшего тогда в одной из частей на Ходынке.

От слов несколько раз мы пытались перейти к делу. Однажды, помню, был составлен список желающих быть в Красной гвардии, но он куда-то исчез. Такие списки составлялись несколько раз. Попытки кончались неудачей по простой причине: у нас не было оружия. Мы очень завидовали рабочим на службе движения, где дело шло будто бы лучше, но мысль об объединении не возникала; между службами была еще цеховая вражда.

Чем ближе время шло к Октябрю, тем резче диференцировалось настроение рабочих подвижного состава: в столярном цехе была эсеровская закваска, в механической мастерской молодняк был весь со мной. Старый токарь Митрофанов поддерживал нас. Скажет, бывало: «Молодцы ребята», и тут же набросится на токаря Боброва, который все хвастал, что он 19 лет состоит эсером. От Митрофанова попадало и токарю Селезневу и Молоканову, у которых были свои мануфактурная и бакалейная лавки. Эти «тузы» на работу приходили вечером после целого дня торговли. Они приносили в цех целую кучу сплетен. Однажды в мастерской был большой скандал между Митрофановым и этими «токарями», говорившими: «Ленин—шпион, пробрался в пломбированном вагоне из Германии». В этом споре наша взяла. Торгашам Молоканову и Селезневу не удалось скрыть под рабочей блузой своей буржуазной сущности. Они были разоблачены перед всеми.

Большевистское влияние росло. В столярном и малярном цехах помогал разбивать эсеровские настроения товарищ Александров. Анархистам давал отпор т. Петров. Помню, собрание одной смены, где очень долго спорили о военном займе. Выступали очень много рабочих и администрация. Некоторые наши товарищи говорили по нескольку раз. Александров говорил громко, сильно, выпячивая большие глаза на рябоватом лице, и повторял почти в каждом своем выступлении:

«Что же вы, товарищи, одной рукой голосуете против войны, за прекращение войны, а другой рукой даете деньги на войну!»

Эти слова, как тяжелый молот, били по эсеровским настроениям, раскалывали аудиторию на два основных лагеря. Большинство голосовало против военного займа. Шишков и компания потерпели поражение.

Накануне Октябрьского переворота мне пришлось работать в ночной смене. Нам сообщили, что белогвардейцы занимают отдельные участки Москвы, и нам надо ехать в Моссовет за оружием. Не поддается описанию чувство радости, охватившее нас. Мы быстро погрузились в вагоны и поехали в Моссовет. Но здесь нашим делегатам сказали, что оружие будет прислано в район и надо ехать туда. Несколько огорченные, мы вышли на Тверскую улицу; она была забита прибывающими рабочими и чисто одетой публикой. Различного рода господа и дамы разубеждали нас вооружаться, уговаривали мирно разойтись, вернуться по домам.

Но приехав в парк, мы узнали, что в Моссовет еще поехали многие рабочие, примерно вагонов восемь с прицепами. В это время с других фабрик и заводов к нам стали прибывать рабочие за вагонами для поездки в центр. Администрация им отказала, мотивируя тем, что наши ребята оружия не получили. С такими же результатами, как и мы, возвратились и остальные рабочие; рабочие сообщали, что юнкера в полном вооружении занимают важнейшие пункты Москвы.

Помню, во дворе парка шумит много рабочих — ничего не разберешь. Но вдруг пронеслось в толпе понятное, кто-то, кажется, т. Апаков, для выяснения пошел в районный штаб. Вся толпа как-то стихийно начала бронировать два грузовых вагона: кое-кто начал «стряпать» холодное оружие. К утру два грузовика были готовы. Внутри их обложили дровами и песком, насыпанным в мешки, а из листовой стали и железа построили ограждение для вагоновожатого. Один грузовик из парка не вышел, не помню по каким причинам, а другой с группой товарищей поехал через Москворецкий мост к кремлевской стене и застрял там: после Октябрьского переворота он был доставлен в парк весь изрешетенный пулями. Совсем к утру добыли несколько берданок и организовали охрану парка.

Ночью мы получили сведения, что объявлена всеобщая забастовка. Наутро из парка не вышел ни один вагон. Весь день я провел в парке в какой-то беспорядочной беготне, а к вечеру пришел домой и уснул, как убитый, и проснулся от пушечного выстрела только утром. Как-то машинально сунул в карман кусок хлеба, прицепил к поясу свой тесак и ушел в трампарк.

Когда я проходил Краснохолмский мост, там стояли красногвардейцы и проверяли документы: у Москворецкого моста шел уже настоящий бой, слышались залпы оружейной стрельбы и

трещал пулемет; утренний туман не давал ясно рассмотреть, в чем дело.

В парке я узнал, что часть наших товарищей ушла к Москворецкому и Каменному мостам, а часть — к Крымскому мосту и что Исаев организует дружину по изъятию оружия в некоторых подозрительных домах. Я тут же присоединился к дружине. В штабе Красной гвардии, который помещался в ресторане Полякова на Калужской площади, т. Исаев получил мандат на право обыска оружия, и мы двинулись.

В дружине были еще Марк Андрианов, старый рабочий, Апаков, Кречетов и др. Целый день не евши мы обыскивали большие дома по Большой Якиманке (дома 50 и 47), по Большой Полянке (дом 54 и др.). К концу дня отобранное оружие мы принесли в штаб. Я получил маленький револьвер системы «бульдог» и почувствовал себя вооруженным.

На второй день опять под руководством т. Исаева, но уже более организованно (нам дали в штабе несколько адресов, группа наша уменьшилась, меньше стало шума), мы снова пошли отбирать оружие. На Большой Полянке (угол Спасо-Наливковского переулка) в большом сером доме мы в одной квартире нашли около тысячи патронов и восемь винтовок. Сейчас никак не могу понять, почему мы не арестовали владельца всего этого оружия. Очевидно мы были совсем неопытны и наивны.

Вечером т. Исаев распустил дружину, и мы вернулись в парк. Ночью я нес караул в парке. Нам сообщили, что один наш вагоновожатый убит около Каменного моста и что ранили т. Шлембаумана. Днем в службе движения состоялось собрание рабочих. Тов. Апаков рассказал о боях в Москве, о баррикадах. Выступивший вагоновожатый Селиверстов выхватил наган и поднял его вверх, призывая всех итти на баррикады. Тут же стали формироваться «десятки». Им выдавали недавно привезенные берданки. Все во главе со старшими «десятков» направлялись в штаб.

В штабе нам выдали по 7 штук патронов на каждого, по куску черного хлеба и сахар. На вопрос: «Почему мало патронов», нам ответили: «На баррикадах патронов хватает». Уже стало темнеть, когда перед нами поднялся на стуле один товарищ, вооруженный двумя револьверами и бомбой, и рассказал, что мы должны делать, куда направляться. Я было позавидовал ему, что он в штабе и так хорошо вооружен. Но, посмотрев на свое вооружение — берданку, револьвер и неизменный тесак, я успокоился. В сопровождении одного товарища мы пошли к Крымскому мосту. Было темно, моросил дождь. У моста нас остановили, проверили пропуск. По другую сторону моста нас снова проверили. Мы пошли дальше и остановились у здания, где сейчас находится Институт красной профессуры. Отсюда нас вывели на Остоженку, где грохотали залпы. Зыканье пуль наводило на нас страх. Мысли путались, ноги подкашивались, бросало

в пот, хотя было сыро и холодно. Захотелось повидать отца, рассказать ему обо всем, затем оформилось одно желание: «Пусть лучше сильно ранят, лишь бы остаться живым».

Нам приказали двигаться к центру Остоженки, пригнувшись, поодиночке, идя вдоль заборов и стен домов. Чем дальше двигались вперед, тем чаще визжали пули. Чувство страха проходило. В середине Остоженки мы вошли в какой-то трактир. Здесь было много наших товарищей с винтовками. Пили чай, жевали, разговаривали, и лица здесь часто сменялись. Чувствовались подъем, напряженная, бьющая через край жизнь. Вся эта обстановка сильно ободрила, мне стало веселей. Много знакомых, радостно улыбающихся лиц было здесь; встретился кое-кто из наших кружковцев. Пока нас снабжали патронами, мы успели друг друга расспросить и поделиться новостями. Затем нас повели на линию огня, сообщив нам пароль «мушка» и предупредив, что слово это нужно произносить тихо. На улице мы двигались вперебежку, по одному, идя за товарищем, которого нам дали в штабе.

Мы скоро вошли во двор. Слышны были оглушительные залпы и дробное грохотание пуль, катящихся по железным крышам, точно мелкие камни.

Затаив дыхание и окружив нашего вожака, мы несколько минут простояли во дворе, затем без команды, как-то инстинктивно двинулись за своим вожатым, пошедшим дальше. Впереди мы услышали тихий голос: «Кто идет?», и ответ: «Мушка», пролезли через большую дыру, проломанную в стене, и очутились на другом дворе.

Тов. Богомолов произнес вполголоса: «Видишь, на часах солдаты стоят, они военную службу знают. Правильно сделано, на них можно положиться». Вместе с исчезновением страха и появлением разнообразных ощущений стал возникать вопрос: «Где же линия огня?» Наш вожатый снова стал прислушиваться. Залпы раздавались по сторонам и впереди, временами казалось, что они раздаются и сзади нас. Через пару минут мы прошли в какие-то широкие ворота, где стояло несколько солдат и красногвардейцев. После короткого обмена мнениями с ними нашего вожака мы были введены в переулок и там построены. С противоположной стороны, с чердака, появился огонь, оглушительные выстрелы долгим эхом перекатывались между высокими стенами домов.

Чердак, откуда стреляли юнкера, был нашей первой целью. Команда: «взвод, огонь!», и беспорядочно загрохотали выстрелы. Плотно прижав берданку к плечу, я прицелился, закрыл глаза и выстрелил. Это было первый раз в моей жизни, до этого я никогда не стрелял. Раздался недовольный окрик командира: «Надо всем сразу, заряжайте!» Притаив дыхание, я торопливо всунул в затвор еще один патрон и, ожидая новой команды, дрожащими руками прижимал берданку к плечу. «Взвод, огонь!»

Новый залп вышел гораздо стройней. «Вот так», — произнес командир. Мы дали еще несколько залпов в ту же цель.

Затем послышалась команда: «Два шага вперед, ложись!» Командир первый припал к земле, за ним последовали и мы все. Почти одновременно в рост нашей головы по стенке дома «горохом» затарахтели пули, рикошетом ударяясь о тротуар. Дмитрий Волков начал ругаться: пуля, отскакивая от тротуара, пробила ему голенище сапога. Юнкера по этой цели выпустили несколько залпов. Мы, затаив дыхание, смирно лежали на земле, ожидая дальнейшей команды.

Залпы прекратились. Исход благополучный. Никого не убило и даже не ранило, если не считать митькиного голенища. Это нас ободрило еще больше. Появилась вера в командира, который во-время скомандовал «ложись», иначе не одному бы из нас пришлось проститься с жизнью.

Выждав удобный момент, командир перевел нас на другое место, и мы по его команде опять стали посылать неприятелю свинцовые гостинцы. По нас снова открыли огонь, мы сделали какой-то новый маневр В это время я оглянулся — Волкова Дмитрия не видно. «Убили», — подумал я. Но страха уже не было; была сильная злоба и желание попасть прямо в окно чердака, откуда в нас стреляли. Ползком мы вошли в ворота двора, и здесь я услыхал Волкова, который «трехэтажно» ругался, вытаскивая с помощью какого-то железного инструмента застрявший в затворе патрон.

Мы дали еще несколько залпов по старой цели, но огонь оттуда не прекращался. Тогда один товарищ в шинели, очевидно старый солдат, забрался на чердак нашего дома и метко бросил бомбу. Мы выпустили еще несколько залпов. Огонь прекратился. В это время нам притащили патроны; мы ими набили карманы и пазухи, брали, кто сколько мог. Затем переползли переулок и вошли в один подъезд дома. Сейчас же пришло к нам подкрепление. Мы обыскали все квартиры, заняли внизу одну из них, где отдыхали около часа. Сменившие же нас товарищи заняли нашу позицию. Так мы дрались до утра: час стреляли, час — отдыхали. Все это стало привычно и ко мне больше не возвращались трусливые мысли: стрелял я уже не закрывая глаз. Но желание рассказать все, что я видел и пережил тем, кто здесь не был, все время не покидало меня. Особенно хотелось показать отцу, какой я «храбрый».

После отдыха мы пошли на смену. Картина была уже иная. Мы пробирались по стенке другой стороны переулка, подчиняя себе парадное за парадным, двор за двором. Через голову нередко вспыхивало зарево; но оружейные выстрелы становились все реже. Дождь лил, мы промокли до костей. Прижавшись к водосточной трубе на углу дома, стали на посту — я, Гуськов, Иванов, Евреинов, Богомолов и еще один товарищ, фамилии которого не помню. Мы вскоре заметили, что на прежней нашей

стороне, на самом верхнем этаже, в одной комнате свет то зажгут, то потушат, а затем стал меняться цвет занавески, сильно освещаемой с противоположной стороны. «Сигнализация», — подумал я. Сережа Гуськов, ни слова не говоря, прицелился из берданки. Зазвенели стекла, свет потух и больше не появлялся. «Сволочи», — проворчал т. Богомолов, а Гуськов стал за плечо держаться и жаловаться, что берданка сильно в плечо отдала, так как он поторопился и не прижал плотно. Было видно, что он ловко попал в окно, а боль в плече была лишь предлогом, чтобы лишний раз об этом событии поговорить.

Отдыхать нас повели в какую-то очень богатую квартиру, до этого и позднее я в своей жизни нигде таких квартир не видал. Нам принесли черного хлеба и по маленькому кусочку сахара. В это время жильцов квартиры переводили в другую. Дети с завистью смотрели на хлеб: я не выдержал и отдал свою порцию одному ребенку; другие товарищи поделились своим хлебом с другими ребятишками. Голод давал себя чувствовать. Все молчали. «Ребенок — он не виноват»,—произнес т. Богомолов.

Стали располагаться: кто стулья составил, кто на диван забрался, а кто просто на полу прилег. Одни стали засыпать, другие делились махоркой, подшучивая друг над другом, что руки дрожат, некоторые перекладывали патроны. Мы только собрались отдыхать, как вдруг все вздрогнули и повскакали от сильных пулеметных выстрелов, которые раздавались совсем рядом. Стояли молча, ухватившись за оружие.

— Наверное, все двести пятьдесят выпустил, сукин сын,—спокойно произнес т. Богомолов.

— Здравствуйте, товарищи! — произнес, протирая очки, вошедший с карабинкой товарищ.

Я узнал в нем т. Мышкина, который раньше часто выступал у нас на собраниях в парке.

— Слыхали, как пулемет барабанил, — и, не дожидаясь нашего ответа, т. Мышкин произнес: — это наш.

У всех на лицах засияла улыбка.

Мышкин сообщил, что юнкера просят перемирия.

— Никакого перемирия; они и так нас уже надували несколько раз! — заговорили все сразу, поднимаясь постепенно со своих мест и окружая т. Мышкина.

— Я тоже думаю, что не надо перемирия,—произнес т. Мышкин, а затем добавил: — на всех участках такое же настроение, хорошо.

— Хватает ли патронов? — спросил т. Мышкин. — Как себя чувствуете? — И получил образный ответ: кто грудь выставил, куда было напихано полно обойм с патронами, кто хлопал себя по толстым карманам, а командир показал на ящик в углу, полный патронов.

— Ну, будьте здоровы, товарищи, — произнес он как-то быстро и пошел к выходу.

Приход Мышкина нас настолько ободрил, что мы позабыли, где находимся. Стали рассказывать, кто когда и где видел его и на каких собраниях он выступал. Разговор прервала команда нашего командира: «Смена!» Мы, спокойно поглядывая друг на друга, точно бойцы с десятилетним стажем, пошли сменять товарищей.

К утру стрельба стала затихать. В Дурном переулке, где мы стояли, если память мне не изменяет, мы уже не прижимались к стенкам, а спокойно вглядывались.

В конце переулка (со стороны Пречистенки) из дома вышел высокий, прилично одетый мужчина с базарной сумочкой в руках.

— Стой! — закричали все сразу. Тот поднял руки и медленно подошел к нам. Оглядели мы его, обыскали, на вопрос: «Куда идете?» — получили спокойный ответ: «Вижу, стрельба прекратилась, решил пойти поискать продовольствия; пять суток нельзя было выйти из дома, все время стрельба отчаянная». Убедившись, что оружия у него нет, что он безвредный, показали ему дорогу, как выйти из круга возможного обстрела.

Было уже совсем светло и совершенно тихо по всему переулку. Стало скучно. Вдруг наша «десятка» получила распоряжение: выйти на Пречистенку и ползком двигаться к неприятельской линии. Когда мы стали подползать к окопам, оттуда показался красный флаг.

Оставив на углу переулка только часовых, нас повели на Остоженку, где мы свободно попали в неприятельские окопы. Мы удивлялись капитальности их оборудования: телефоны, зигзагообразность окопов, много дров, сложенных и пересыпанных землей, мешки с землей. Вооруженные юнкера стояли кучками, не трогали нас, предлагали белый хлеб и заговаривали с нами, ругали Керенского, говоря, что он один во всем виноват. Из разных засад повылазили красногвардейцы; среди них оказалось много знакомых, тут же к нам подошел т. Мышкин.

Мышкин пошел глубже по юнкерским окопам, за ним человек пятнадцать. Потянулись и мы, продолжая вслух удивляться их оборудованию и жалея, что этого не было у нас. Кто-то из товарищей стал рассматривать телефонный аппарат.

— Не трогать! — крикнул стоявший вблизи юнкер.

— Что же вы мира просите и сами же огрызаетесь, — сказал т. Мышкин.

Юнкер замолчал Мы пошли дальше.

«Боятся значит черти»,—подумал я.

Когда мы подошли к зданию, где ныне помещается управление Московского военного округа, то увидали, как командный состав юнкеров бегал и суетился во дворе. Все искали полковника Рябцева. Кто-то из юнкеров сказал: «Наверное Рябцев скрылся». Я подумал, не являлся ли Рябцевым тот господин, ко-

торого мы пропустили в переулке,—уж больно он был стройный и спокойный.

Во дворе собралось много красногвардейцев. Мы стали требовать от юнкеров, чтобы они разоружились. Наше требование было удовлетворено. Юнкерские винтовки немедленно посыпались в одну кучу: мы стали бросать свои берданки и брать винтовки.

Помню, как один товарищ подошел к подполковнику и потребовал сдачи оружия. Подполковник отказывался, говорил, что командному составу не полагается разоружаться, что оружие его именное. Этот инцидент привлек к себе внимание и других красногвардейцев. Я подумал: «Как же так, наша взяла, а он не хочет сдавать револьвер и шашку». Я подошел к нему поближе и сказал:

— При нашей власти оружие тебе не нужно.

Он промолвил:

— Дай бог.

В это время подошел один товарищ в кожаной куртке и смелым жестом снял с подполковника револьвер и шашку. Шашку положили на подводу, которую уже успели нагрузить оружием. Револьвер же разделили по частям, так как претендентов оказалось немало: один получил патроны, другой — обойму и т. п.

Взяв винтовку и набрав достаточно патронов, я с радостью думал, что теперь буду выпускать сразу по пять выстрелов. Я был назначен Мышкиным ответственным за сопровождение юнкеров в Александровские казармы. Я подошел к одному офицеру в чине полковника и потребовал построить всех юнкеров. Требование было выполнено. Юнкера тут же во дворе построились в две шеренги, сдвоили ряды. Колонна юнкеров превышала роту. Мы окружили их кольцом. С разных концов подходили новые красногвардейцы. Некоторые юнкера потихоньку срывали с себя погоны.

Часть красногвардейцев пошла сопровождать юнкеров, другие отправились к Кремлю: до нас дошли слухи, что там бой еще не кончился. Вдруг на мотоцикле прибыл какой-то товарищ и сделал распоряжение, чтобы всех юнкеров обезоруженными оставить пока под охраной тут на месте. Мое назначение «старшим» по сопровождению юнкеров таким образом было отменено. Я присоединился к группе товарищей, которые из мест засады вытаскивали пулеметы и другие виды оружия. В поисках оружия мы забрались на кухню, где для юнкеров была приготовлена рисовая каша и щи; подкрепившись, мы взяли по куску белого хлеба.

Выйдя на Остоженку, мы увидели, что один дом, из которого кто-то только что стрелял, окружен красногвардейцами. Я вспомнил, что винтовка у меня не заряжена, и решил привести себя в боевую готовность. Вытащил обойму с патронами и с

обоймой вместе стал запихивать патроны в магазинную коробку. Смотрю, не лезут, а ведь видел, что товарищи закладывали патроны именно с этой стороны. Долго мучился, но ничего не получалось. «Хлеб мешает», — подумал я, сунул краюху старику, стоявшему около меня и наблюдавшему за моей возней с винтовкой. Старик с радостью схватил хлеб и раз десять сказал спасибо. Я снова начал заряжать винтовку, но ничего не получалось. «Наверное испорчена она, проклятая», — подумал я и пожалел о берданке. Нечаянно нажал я какую-то часть, и магазинная коробка открылась снизу. Я начал туда совать патроны, но результат оставался тот же. Меня окружило несколько ротозеев и наблюдали мои старания. Все молчали, я нервничал и краснел, но сделать ничего не мог. Но вот подошел ко мне какой-то гражданин и показал, как заряжают винтовку. Я при нем несколько раз зарядил и разрядил и, убедившись, что уже могу самостоятельно заряжать, побежал к товарищам, которые кольцом оцепили дом.

Когда я подошел к красногвардейцам, через цепь хотел пройти старый высокий генерал, который очень ругал нас. Я с несколькими товарищами арестовал его и повел в чайную на Остоженке. Нас окружала толпа, которая осыпала генерала разными насмешками. Оставив генерала в чайной, где его обыскали, мы пошли в Замоскворечье, в ресторан Полякова.

Когда мы проходили по Остоженке, обыватели упрашивали нас за особую плату остаться охранять их дома. Мы сердито огрызались: «Буржуев охранять — еще чего нехватало, нам надо свои заводы и штабы охранять».

В штабе было много знакомых товарищей; все встречались с веселыми улыбками и, пожимая дружески руки, спешили делиться своими впечатлениями. Вскоре я увидел т. Апакова, который сказал, что парк теперь надо охранять по-настоящему, что всем надо собраться в парке, а когда мы будем нужны — штаб нас вызовет.

В парке я встретил много товарищей, участвовавших в боях. Тут же старый рабочий с перевязанной рукой, Степа Ларин, рассказывал собравшимся вокруг него товарищам, где и как он сражался с белыми и как собственноручно застрелил капитана.

Местком подвижного состава, председателем которого был т. Широков, производил впечатление не месткома, а военного штаба. Тов. Широков, тоже активный участник Красной гвардии, давал нам практические советы и указания. По нарядам штаба товарищей группами посылали в разные места. В течение ночи я, помимо дежурства в парке, выполнил несколько заданий штаба.

Домой я пришел только на другой день. Меня уже оплакивали как погибшего. После недолгих рассказов о том, где был и как бил белых, я засел писать отцу письмо, описывая все подробности, собирая все мелочи.

После вооруженного переворота красногвардейцы нашего парка при помощи т. Широкова отвоевали в жилом доме парка одну квартиру и организовали в ней свой штаб. В штабе мы собирались после работы, иногда нас вызывали и во время работы. Но и в таких случаях заработок нам платили одинаково, табельщик Евгений Волков был красногвардейцем и засчитывал нам все дни полностью. Шишков теперь притих и все подделывался под рабочих — не делал никаких замечаний, даже если кто и недобросовестно работал. Помню, как однажды вышли мы на работу в ночную смену. Шишков собрал кучу рабочих, стал с ними о чем-то разговаривать, а т. Жуков подошел и заявил:

— Товарищи, теперь наш парк работает на себя, на рабочее государство, надо поднимать производство.

Кто-то из толпы ответил:

— Ладно, вишь хозяин какой нашелся!

Но большинство рабочих согласилось с Жуковым и пошло работать.

— Верно, верно, Сережа, надо вагоны осматривать, а то утром выпускать нечего будет, если будем краснобайством заниматься, — подхватили многие рабочие.

После Октябрьского переворота в подвижном составе работать начали сразу в первый же день. Низшие служащие конторы тоже пришли и заявили, что они приступают к работе и действовать будут совместно с рабочими. В службе движения смотритель парка Федулов и еще кто-то из «вышестоящих» присоединились к управлению трамвая, где высшие служащие саботировали. Саботаж Федулова и других немедленно был сломлен энтузиазмом рабочих и низших служащих службы движения. Под руководством месткома часть нарядчиков и многие старшие вагоновожатые немедленно и самостоятельно организовали выпуск вагонов на линию. В парке не осталось ни одного вагона. Радость и энтузиазм всего паркового коллектива были огромны и сразу как-то исчез цеховой антагонизм между службами. Рабочие подвижного состава радовались успехам движенцев, движенцы—успехам подвижников.

Немедленно мы организовали посылку грамотных рабочих и работниц в Управление городских железных дорог, чтобы заменить саботажников и самим регулировать движение трамвая. Организованность рабочих парка, действовавших под руководством большевиков и революционно настроенных месткомов, куда также входили большевики (Апаков, Исаев и др.), не только здорово ударила по саботажникам и преодолела производственные трудности, но и разбила отсталые настроения и клевету эсеров и меньшевиков о том, что рабочие не способны управлять.

Среди отсталых рабочих эсеры и меньшевики сеяли слухи: «Советская власть проживет не больше трех дней». Затем дали «отсрочку» до месяца, потом до трех месяцев и т. д. Наш штаб

Красной гвардии выполнял в это время ряд заданий районного и московского штабов. В противовес агитации меньшевиков и эсеров и настроениям отсталой части рабочих, среди красногвардейцев, передовых рабочих парка все больше и больше стали поговаривать об организации ячейки большевиков. Ячейка была организована в первой половине 1918 г., до этого в парке были только большевики-одиночки. В сентябре 1918 г. ячейка как сплоченная организация выступила на выборах в месткомы и провела в объединенный местком всех большевиков. Был избран и я.

В нашем штабе Красной гвардии мы собирались ежедневно. Все свободное время проводили там, часто оставались ночевать. Штаб Красной гвардии днем и ночью получал различные задания, к выполнению которых мы приступали немедленно.

Мы проводили в парке собрания красногвардейцев, также проводились собрания и в районе. На одном из многолюдных собраний в Плехановском институте т. Ведерников (если память не изменяет) сделал доклад о задачах Красной гвардии. На этом же собрании мы с т. Легонькой завидовали красногвардейцам завода «Поставщик», которые были все одеты в специальную форму.

Наши красногвардейцы в этот период выполняли самые разнообразные задания. Однажды Шлембауман, начальник штаба, распорядился «ехать отряду на обыски». Погрузились в вагон и поехали в один трактир к Смоленскому рынку. Произвели обыск. Оттуда проехали через центр и у Политехнического музея обезоружили проходившего офицера. Затем направились к Павелецкому вокзалу. На вокзале никаких контрреволюционеров не нашли, сведения оказались неверными. Наоборот, здесь мы застали красногвардейцев Рязано-уральского вокзала, охранявших Павелецкий. Когда мы проезжали по линии «В» по направлению к парку, мы заметили едущий нам навстречу автомобиль. Все повыскакивали из вагона, винтовки наперевес и с криком «стой» бросились к автомобилю. Автомобиль остановился. Сидящие в машине спокойно, не вставая с места, спросили нас:

— Кто ваш начальник? Позовите его сюда.

С костылем на одной ноге вышел т. Шлембауман, который несколько раз растерянно произнес: «Здравствуйте». У Шлембаумана спросили какой-то ордер, которого у него не оказалось, и ему предложили явиться завтра в районный штаб, а сейчас — ехать в парк.

Шлембауман по дороге рассказал, что это наше районное начальство—т. Николаев и, кажется, т. Сычев. Тут же он начал хвастать, что ему ничего не будет, что гидра контрреволюции везде поднимает голову, и т. д. Не знаю, что ему говорили в штабе, но только он больше без специальных ордеров и нарядов никуда нас не водил.

Идя на производство, мы брали с собой винтовки, чтобы не бегать за ними домой, когда они потребуются. Ружья держали в шкафах для одежды. Затем как-то постепенно ввели такой порядок, чтобы винтовки оставлять в штабе.

В двадцатых числах декабря я работал в ночной смене; со мной вместе работали тт. Дмитрий Волков, Гуськов Сергей, Крючков и др. Часов около одиннадцати вечера к нам в цех пришли тт. Легонькая и Брун и сообщили, что в Коломне эсеры организовали антисоветское выступление и нам надо ехать туда.

Собралось нас человек семнадцать: я, Бандурин, Легонькая, Гуськов, Горбунов, Рыжов, Волков и др. Взяли два вагона, погрузились, поехали на Серпуховскую площадь. Тут к нам присоединилось еще человек пять—десять, и все поехали на Арбатскую площадь, в Александровское военное училище, где помещался центральный штаб Красной гвардии.

Мы погрузили патроны, два пулемета, шамовку, обмундирование; тут же стали переодеваться, свою одежду с вагоновожатыми отправили в парк. После погрузки отправились на Казанский вокзал. Здесь нам дали паровоз и два товарных вагона и почти без остановок мы доехали до Коломны.

В Коломне к нам присоединились товарищи с Коломенского завода, которые участвовали с нами во всех операциях. Выяснилось, что в Коломне в продовольственном отделе сидели эсеры и другие контрреволюционные элементы, которые искусственно задерживали продовольствие, не выдавали его населению. Когда мы производили обыски, то у всего зажиточного населения находили огромные запасы продовольствия. У одного огородника например нашли около полсотни замороженных гусей и много всяких других продуктов.

По окончании операции в Коломне, мы вернулись в Москву, оставив местным товарищам пулемет и патроны. 5 января 1918 г. я участвовал в разгоне учредительских демонстрантов, а вечером с винтовкой пошел прямо на работу. Тут я чуть не застрелил токаря Боброва, который начал высмеивать наши действия; вся же масса рабочих парка к разгону демонстрантов относилась сочувственно. Меня с трудом оттащили от Боброва.

Дежурства и наряды штаба стали реже, но более регулярны. Установился соответствующий порядок. Оставалось после работы свободное время. 9 января утром я, Иванов, Волков, Евреинов и др. собрались в одной чайнушке и заготовили записки, в которых писали: «на случай смерти сообщить родным по адресу такому-то». Накануне 9 января до нас дошли слухи, что за разгон учредилки эсеры и меньшевики хотят нам отомстить. Записки мы вложили в карманы и пошли в парк. Здесь собралось уже много рабочих, среди них вооруженных было человек триста.

В общей колонне через Серпуховскую площадь, по Полянке, через Каменный мост мы вышли на Моховую улицу, которая у меня и у многих товарищей надолго осталась в памяти.

Помнится, впереди нас шла организация завода «Поставщик», а позади — завода Бромлей. На Моховой все остановились. Тов. Евтюхин посмеивался, что, мол, ему «охота винтовочку прочистить». Как раз в это время позади раздался выстрел. Потом выяснилось, что один бромлеевский рабочий выстрелил нечаянно и прострелил шапку рядом стоявшему товарищу. Все успокоились, но т. Апаков потребовал разрядить винтовки. Сделали это не все.

Через несколько минут снова раздался выстрел где-то далеко от нас, потом еще один, а там уже пошла частая и беспорядочная стрельба. Кто-то крикнул: «ложись», все легли, кто где мог. Я лег около больших деревянных ворот, которые были закрыты; на меня навалилось много народа, я кричал, но крики не помогали. Стрельба учащалась. Вдруг послышался свисток, и когда я немного освободился из-под кучи людей, то увидел следующую картину: на снегу лежат рабочие, пригнувши головы, т. Апаков стоит во весь рост и продолжает свистеть, затем он стал требовать, чтобы все разрядили винтовки, так как стреляли свои.

Народ стал понемногу подниматься, отряхивая снег. Рядом со мной лежит и стонет т. Богомолов, его ранило в ногу, выше колена. Зина Легонькая, уже окровавив руки, чем-то завязывает ему ногу. Рядом с т. Богомоловым лежит раненый в ногу Сережа Гуськов, а дальше — тоже раненый в ногу стрелочник со службы пути. Раненым оказывали помощь, кто как мог, а затем их стали перевозить в больницу; тут же я видел несколько убитых; из нашей организации никто не был убит. На Моховой долгое время виднелись кровавые пятна на снегу, и, бывало, проезжая на трамвае, с ужасом вспоминаешь события, происходившие на этом месте, события, которые никогда из памяти не исчезнут.

В этот же день наши красногвардейцы собрались и тут же поставили вопрос о дисциплине, о том, что несчастье на Моховой произошло по нашей вине.

До конца зимы я выполнял задания боевого штаба. Чем дальше, тем их было меньше, и я больше работал на производстве. Потом наш штаб был ликвидирован, а все наши товарищи были прикреплены или как-то реорганизованы в ЧОН. Подробностей не помню, но знаю, что я получил патроны и винтовку, которая была у меня, кажется, до 1921 г.

В 1918 г. в августе я вступил в партию.

Завод „Мастяжарт“

В борьбе за Кремль

В январе 1916 г. я был откомандирован в Москву, в московские мастерские тяжелоосадных артиллерий — в «Мастяжарт». Всего работало нас в «Мастяжарте» 3 500 человек, режим в мастерских был невыносимый, имелась дисциплинарная рота, на глаза повсюду попадался офицер или жандарм, кормили отвратительно. Условия труда были невыносимо тяжелые, работали в две смены по 11 часов. Здесь я близко познакомился с партийцами-большевиками: тт. Галкиным—токарем, Демидовым—электромонтером и Семеновым—токарем. С ними вместе я был активным участником Февральской революции.

23 октября я и Масленников были делегированы от завода «Мастяжарт» на московскую конференцию воинских частей, где получили директиву готовиться к вооруженному восстанию. Аналогичные распоряжения принес т. Демидов от Московского комитета большевиков.

Подготовка к вооруженному выступлению на заводе и в казармах развернулась во-всю: искали оружие, готовили артиллерию, подбирали командиров.

Вечером 26 октября в Политехническом музее было гарнизонное собрание, созванное военной организацией большевиков. Громадный зал музея был переполнен. Председательствовал т. Мостовенко, с докладом выступал т. Усиевич. Появление его на трибуне было встречено бурными аплодисментами и криками: «Да

[1] Тов. Туляков Н. С. родился в 1887 г. в селе Чертановке Симбирской губ. В детстве—пастух и батрак. С 1904 по 1907 г.—рабочий на постройках Самары, с 1907 г.—столяр на сахарном заводе в селе Богатове Самарской губ. После окончания военной службы в 1914 г. работает в Самаре на Жигулевском заводе до мобилизации в империалистическую войну. С сахарного завода уволен за участие в забастовке и демонстрации. Участник антивоенных выступлений. Член партии с марта 1917 г. Занимал ряд командных должностей на фронте гражданской войны. Учился в Коммунистической академии, на курсах марксизма. С 1925 г. работал членом правления МОСПО, затем членом президиума МСНХ, начальником строительной индустрии правления Мосстройобъединения. В настоящее время работает в НКПС начальником сектора подсобных предприятий стройматериалов и учится на курсах техников-строителей.

здравствует захват власти советами!» Тов. Усиевич, кратко обрисовав картину развертывающихся событий, сообщил о свержении правительства Керенского и о захвате власти в Петрограде Революционным комитетом. Радостными криками встретил зал эти вести.

После речи Усиевича т. Мостовенко объявил, что слово просит представитель совета солдатских депутатов от фракции эсеров. Как только аудитория услышала слово «эсер», в зале поднялся общий шум негодования, протесты, возгласы: «Долой предателей!», «Долой болтунов, довольно слов, настало время действовать!» Тов. Мостовенко предложил все же выслушать эсера. Но говорить пришлось ему недолго. Начал он с того, что судьбу русского народа должно решить Учредительное собрание и на этом... кончил свою речь: возмущенные солдаты не дали ему продолжать.

После того как аудитория успокоилась, выступил солдат 56-го запасного пехотного полка. Был он небольшого роста, в потертой шинели. От него мы узнали, что юнкера стараются захватить Кремль, охраняемый 56-м полком, что они выставили свои посты у ворот Кремля. Никого из солдат охраны в Кремль не пропускают, а из Кремля выпускают свободно. Очевидно пытаются занять весь Кремль своей охраной. «Мы обращаемся к вам, товарищи, с призывом оказать противодействие недопустимому явлению».

Посыпались предложения. Одни предлагали немедленно выступить с оружием, другие—послать делегацию в Московский совет. Было принято последнее предложение. Когда делегация из 5 человек, куда вошли Блохин—рабочий из второй автомобильной роты и я, пришла в Московский совет, там шло какое-то заседание. За большими столами горячо спорили штатские и военные люди. Видимо происходило заседание исполкома или президиума его. Заслушали наши требования о немедленном снятии юнкеров с Кремля и тут же избрали делегацию к полковнику Рябцеву. В эту делегацию вошли тт. Ногин В. П., Блохин и меньшевик Маневич.

Поездка делегации к полковнику Рябцеву ничего не дала, хотя т. Ногин и сообщал об оставлении охраны Кремля за 56-м полком. Наша делегация считала свою миссию оконченной и разошлась, придя к выводу, что вопрос о захвате власти не решается словами.

Было около десяти—одиннадцати часов вечера. Ночь была темная, но чувствовалось, что жизнь не замерла. На улице кругом слышалось шуршанье автомобилей. По Театральной площади к зданию городской думы мимо нас пронеслись два грузовика с вооруженными юнкерами. Чувствовалось, что приближаются большие события, и это волновало.

На «Мастяжарте» меня обступили рабочие-солдаты, грязные, в рваных шинелях, но полные решимости.

27 октября исполнительный комитет «Мастяжарта» выделил из своей среды революционный штаб в составе тт. Демидова, Галкина, Семенова, Фирсова и меня. Тов. Семенов был назначен начальником штаба, т. Демидов В. П.—для связи с лефортовским революционным штабом, я—для связи с Московским советом и руководителем артиллерии, т. Галкин—по охране завода и т. Фирсов—комиссаром завода.

Остро стал вопрос о вооружении рабочих. Имелось всего 25 берданок, на 800—1000 активных бойцов. Вскоре Демидову удалось получить от самокатного батальона, находившегося на Немецкой улице в Фанагорийских казармах, еще 60 берданов и около 70 винтовок. Таким образом на 27 октября в «Мастяжарте» было вооруженных рабочих около 150—200 человек. Патронов было чрезвычайно мало, примерно по 5—10 патронов на человека.

Около 12 или 1 часа ночи в помещении заводского комитета открылось заседание революционного штаба. Обсуждались вопросы, связанные с вооруженным восстанием. На заседании присутствовал представитель Лефортовского революционного комитета т. Розенштейн, от него мы узнали о силах Красной гвардии и готовности к выступлению воинских частей, но оружия в районе было недостаточно.

В ночь на 27—28 октября рабочие были посланы на поиски оружия; раздобыть оружие—стало первейшей задачей. Узнали, что на товарных путях Рязанского вокзала стоит несколько вагонов с винтовками. За ними немедленно послали несколько грузовых машин и вооруженный отряд рабочих. Вокруг завода выставили заставы.

Вскоре рабочие патрули начали приводить в штаб задержанных офицеров. Их допрашивали, обезоруживали и, взяв «честное слово» не выступать против рабочих, отпускали домой. Стали поступать сведения о подозрительных домах около «Мастяжарта». Рабочие обыскали дома, нашли там оружие. Все же с чердаков некоторых домов во время уличных боев стреляли в рабочих, были даже раненые.

Около 10 часов вечера 29 октября по директиве Лефортовского штаба вокруг «Мастяжарта» были вырыты окопы: ожидали нападения казаков. Через два часа в революционный штаб Басманного района вызвали Демидова и Семенова. Штаб поставил перед рабочими «Мастяжарта» боевую задачу: выступить в 2 часа ночи против Алексеевского военного училища и кадетских корпусов и к 6 часам утра 30 октября занять позиции противника.

Сигналом для общего наступления должен был послужить орудийный выстрел батареи «Мастяжарта», выставленной к этому времени у реки Яузы.

Подсчитали силы. Три роты мастяжартовцев составляли не более 300 человек, батарея артиллерии—около 50 человек, в охране территории завода, в заставах и патрулях—150 человек. В ле-

фортовском отряде было не более 150 рабочих-красногвардейцев, в 85-м пехотном полку активных бойцов 500—600 человек, самокатчиков—около 200 человек, рогожско-симоновских красногвардейцев—400—500 человек.

Таким образом к началу боя собралось до 2 тыс. человек, причем половина рабочих не была вооружена и не имела боевого опыта.

Юнкеров и кадетов старших возрастов насчитывалось примерно 800—1 000 человек. Они были хорошо вооружены револьверами, винтовками, ручными гранатами и даже пулеметами. Технически они были лучше подготовлены к бою. Помимо того толстые стены корпусов и военного училища служили хорошей защитой.

По первому же призыву рабочие стали немедленно стекаться к штабу. Шли в строю под руководством выбранных командиров.

Первой пришла рота т. Большакова—около 70 человек. Рота была вся вооружена. Штаб направил ее по новой дороге (около фельдшерской школы) занять кадетский парк с левой стороны, вблизи учебных окопов кадет. Вторая рота во главе с т. Семеновым пошла занимать позиции со стороны Лефортовской военной тюрьмы. Третья рота, в качестве резерва первой роты и прикрытия батареи предназначалась для занятия позиций около реки Яузы. На батарею выкатили три японских 42-линейных гаубицы. Начальником артиллерии назначен был я, помощником—Рыбалко.

Для защиты Лефортовского районного штаба был послан отряд мастяжартовцев в 70 человек под руководством т. Стальмакова.

Настроение в отрядах было повышенное, все рвались в бой. «Привезут с Рязанского вокзала винтовки или не привезут?» Многие рабочие пошли на позиции совершенно безоружными, рассчитывая, что винтовки подоспеют. Патронов также было ограниченное количество.

30 октября на рассвете первая и третья роты благополучно заняли позиции и ожидали орудийного выстрела—сигнала для начала наступления. Вторая рота по дороге к военной тюрьме встретила отряд лефортовских красногвардейцев и мастяжартовцев, ранее посланных для защиты Лефортовского штаба. Красногвардейцы направились в парк, мастяжартовцы—к военной тюрьме. Рассветало. Видеть кадетские корпуса и бездействовать было невтерпеж. А вдруг кадеты забыли закрыть наглухо ворота? Рабочие неожиданно вскочили и побежали к воротам корпуса. Расстояние было примерно 100 саженей. Ворота были закрыты наглухо... Решили продвигаться по стене к кадетскому саду и присоединиться к остальным отрядам.

Наиболее нетерпеливые товарищи перепрыгнули забор и наткнулись на сторожевые посты кадетов. Завязалась перестрелка. Кадеты отступили за стены корпусов.

В это время, слыша стрельбу и видя перед собой перебегающие фигуры, другие наши отряды решили, что юнкера и кадеты перешли в наступление и открыли стрельбу. Но паники не было. Установили немедленно связь и начали правильную осаду кадетских корпусов.

Наконец-то привезли винтовки с Рязанского вокзала! Их оказалось около 4 тыс. штук. Наладилась подвозка патронов и с Симоновских патронных складов. Рабочие сразу почувствовали себя непобедимыми. Отовсюду к штабу потекли толпы пролетариев, не участвовавших до сих пор в борьбе из-за отсутствия оружия. Каждый выбирал себе винтовку, делал на дворе несколько упражнений «на прицел», «на изготовку» и шел к кадетским корпусам.

В ряды бойцов с одного только «Мастяжарта» явилось не менее тысячи человек. Стрельба стала оживленней.

Часть винтовок направили Лефортовскому, Басманному и Рогожско-симоновскому штабам. Снарядами наша артиллерия снабжалась с Мызо-раевских складов.

Снарядов было вволю.

Бой разгорался. Об отдыхе никто не думал, никто не уходил из окопов, хотя обстановка позволяла уже организовать регулярную смену бойцов. Штаб организовал непрерывную работу кухни; руководил кухней меньшевик Олицкий.

В окопах и на батарее появились первые убитые и раненые; батарею обстреливали с чердаков соседних домов. Работницы под огнем подбирали раненых, убитых, делали перевязки рабочим, не желавшим оставлять окопы, несмотря на ранения. Самоотверженность женщин воодушевляла бойцов.

Скоро стало ясно, что белогвардейцы, спрятавшиеся за толстыми стенами корпусов, легко выдержат продолжительную осаду, если в дело не вмешается артиллерия.

Штаб «Мастяжарта» приступил к организации новых батарей. Через некоторое время раздались первые орудийные выстрелы. Но на батареях не было угломеров и панорам и стреляли без точного прицела, наводку производили через дула орудии. Разрывы первых снарядов не были слышны, так как в Дворцовом саду затрещали оружейные выстрелы и пулеметы с кадетских корпусов.

После первых же выстрелов на батарею пришли раненые с требованием красногвардейцев усилить обстрел 1-го кадетского корпуса, откуда их забрасывали ручными гранатами. Рабочие с завода Гужон через комиссара завода т. Фирсова сообщили на батарею, что один из снарядов попал на территорию завода и что они просят такого гостинца им больше не посылать; в подвалах Гужона хранился газ, попади снаряд в подвал с газом—и мог бы быть отравлен весь район.

А пушки беспрерывно грохотали, над зданием офицерских квартир показались облака пыли. Когда один из наших снарядов достиг цели, на батарее поднялось ликование. Артиллерия от-

крыла беглый огонь. Частые взрывы снарядов покрывали трескотню пулеметов и винтовок. Кто-то сообщил о гибели Петра Щербакова. Эта печальная весть вызвала еще большую злобу и ненависть к белогвардейцам.

Неожиданно приехал член десятки Навгальцев и потребовал прекратить орудийную стрельбу. Чем было вызвано это требование, мы добиться у него не могли, он только повторял, что не дано распоряжения начинать артиллерийские действия. Но на нашем участке действия развернулись так широко, что, если бы мы и захотели выполнить требование Навгальцева,—сделать это не удалось бы. Красногвардейцы и солдаты были уже у стен кадетских корпусов, отступать по открытому месту было невозможно.

После того, как уехал Навгальцев, к нам на батарею часов в 9—10 утра принесли панорамы и угломеры, которые после долгих поисков нашел т. Галкин в кладовой у артиллерийского техника, поручика Городниченко. Городниченко объявил себя нейтральным, но выдать панорамы или хотя бы сказать, где они находятся, отказался. Тем временем наша заводская разведка нашла на Рязанском вокзале винтовки русского образца. Ими вооружились солдаты нашего завода, рабочие соседних предприятий, затем Рогожско-симоновского и Городского районов. Команда мастяжартовцев в 150—200 человек была направлена к зданию Московского совета в распоряжение Революционного комитета. Отряд в 50 человек, вооруженный винтовками и орудием, направили на Введенскую площадь разоружать вольноопределяющихся прожекторной команды инженерного полка, на Лаврентьевской улице. В команде вольноопределяющихся было 80 человек. На предложение Военно-революционного комитета разоружиться они объявили себя нейтральными и изъявили желание охранять район от грабежей, разоружиться же считали для себя позорным. Под угрозой дула орудия вольноопределяющиеся сдались.

В помещении их нашли 100 винтовок. Они нам очень пригодились.

В этот же день (30 октября) сдался второй кадетский корпус, причем все кадеты старших возрастов и юнкера перешли в первый корпус.

Сдавая второй корпус, белые преследовали цель—сконцентрировать свои силы и избавиться от малолеток.

Маневр белого командования был ясен, но после нескольких неудачных вылазок юнкеров вынужден был сдаться 31 октября, после двухсуточного боя и первый кадетский корпус.

На размышление им было дано 30 минут: либо они сдают корпус, либо мы из всех шести орудий снова открываем артиллерийский огонь.

Около 11—12 часов ночи 31 октября сдались военное Алексеевское училище и третий кадетский корпус.

В первом кадетском корпусе переговоры вел я и Простоквашин. Директор корпуса старался заверить делегатов, что он не отдавал распоряжения об открытии стрельбы, что все это происходило помимо его воли. Но когда один из присутствовавших офицеров обратился к нам с вопросом, как с ними поступят, если они сдадут оружие, директор прервал офицера и заявил: «Прошу от моего имени о сдаче оружия не говорить, так как мы без указания Комитета спасения оружия сдать не можем».

От имени Революционного комитета мы предъявили ультиматум: если в течение 30 минут не будет подписан договор на сдачу оружия, рабочие возобновят обстрел корпуса. Всю ответственность за жизнь кадетов, находящихся в корпусе, мы возложили на директора.

Минут через 15 наши условия приняли.

В Алексеевское училище и третий кадетский корпус парламентерами поехали Демидов и Масленников. В корпус их провели с закрытыми глазами. Нашу делегацию юнкера встретили враждебно, группа юнкеров пыталась даже поднять Демидова и Масленникова на штыки. Положение спас начальник училища, он оправдывался тем, что среди юнкеров имеется разногласие: часть предлагает сдаться, остальная же решила ждать подкрепления воинских частей, двигающихся на помощь с фронта.

Взятием кадетских корпусов и военного училища заканчивается борьба рабочих в Лефортовском районе. С этого момента борьба переносится в центральные районы Москвы.

Рабочим «Мастяжарта» после взятия корпусов достались богатые трофеи, которые очень пригодились в дальнейшем. На завод привезли вскоре несколько ящиков с револьверами «кольт», много ружейных и револьверных патронов. Видимо белогвардейцы готовились к серьезной борьбе.

Из центра и из других районов посыпались требования помощи с «Мастяжарта». Два орудия под прикрытием роты солдат послали к Большому театру, батарею из двух орудий по требованию т. Землячки направили разоружать Крутицкие казармы. С этой батареей утром 31 октября отправились в качестве начальника я и т. Рыбалко в качестве помощника командира батареи.

Как только артиллерия появилась у Андроньевского монастыря, на площади перед нами открылся вид Спасской кремлевской башни.

Мы остановились. Кругом нас собрались ребятишки, из дверей монастыря вышел высокого роста краснолицый священник в длинной рясе. Наводчик заявил, что орудия готовы. Долгогривый поп бросился к нам с криком: «Что вы делаете? Что вы делаете? Стрелять здесь нельзя!» Последовала команда: «По Спасской башне... пли!» Грянул выстрел, посыпались стекла с монастыря и соседних домов. Ребятишки испугались, шарахнулись, как воробьи, в разные стороны, а поп разинул рот, хотел что-то сказать, но не успел, грянул второй выстрел. Ребятишки снова

вернулись к орудиям, попа мы больше не видали, он скрылся за оградой монастыря. Всего мы пустили по Кремлю четыре снаряда, после чего продолжали свой путь по Большой Андроньевской, к Крутицким казармам. Ребятишки провожали нас до самых казарм, весело рассказывали друг другу, как здорово грохотали орудия, и все спрашивали, когда и где мы будем стрелять еще.

К Крутицким казармам мы пришли примерно к часу дня. Одно орудие поставили у ворот 1-го Крутицкого переулка, второе — против окон здания школы. Ребятишки с нетерпением ждали стрельбы орудий, но стрелять здесь не пришлось.

Я подошел к воротам, где стоял часовой, и потребовал начальника школы. Через несколько минут к воротам подошел молодой юнкер и отрапортовал, что начальника школы сейчас нет, никто не знает, где он. Юнкер назвал себя председателем комитета шестой школы прапорщиков.

Я потребовал немедленной сдачи оружия. Юнкер отвечал, что он один этого решить не может, просил разрешения созвать комитет школы. Он указал, что юнкера до сего времени не стреляли и что комитет наверное решит сдать оружие. Я согласился, но обратил его внимание на пушки и просил передать юнкерам, что эти пушки уже покорили кадетские корпуса и Алексеевское училище.

Когда мы вошли в здание школы, в глаза сразу бросилась растерянность юнкеров. Многие из них смотрели блуждающими глазами, как будто бы искали спасения. Собрался комитет. После двух-трех выступлений и призыва председателя комитета сдать оружие поднялся храброго вида юнкер и заявил: «Я сражался за родину на фронтах, семь раз ранен, ни разу не выпускал оружия из рук, и теперь я его не сдам, умру вместе с ним». Во избежание каких-либо недоразумений я приказал арестовать юнкера, но председатель просил отдать его на поруки.

Большинством голосов было принято предложение сдать оружие. С «Мастяжарта» вызвали грузовик и назначили приемщиков оружия. Вдруг недалеко от меня в казарме раздался револьверный выстрел, я схватился за кольт, но оказалось, что это храбрый юнкер покончил с собой выстрелом в висок.

Часа в три дня наша артиллерия направилась к Таганской площади. По пути я зашел в Симоновский райком к т. Землячке. Помещение райкома было переполнено. Землячка стояла среди красногвардейцев, отвечала на вопросы и давала распоряжения. Я сообщил, что нами разоружены юнкера шестой школы, что артиллерия готова выступить на новые позиции.

Со стороны присутствовавших красногвардейцев посыпались вопросы. Но я уже получил на свой вопрос ответ от Землячки: «Надо бы, т. Туляков, пострелять по Кремлю». Обменявшись еще несколькими словами с Землячкой и красногвардейцами, я отправился со своей батареей через Таганскую площадь к Кремлю.

Своей позицией мы избрали церковь «Никиты мученика» на Швивой горке. Ворота в ограде церкви были заперты на засов. Позвали сторожа, но он отказался открыть ворота и позвал настоятеля церкви. Когда вышел отец Владимир,—так его называли,—наша артиллерия была уже в ограде церкви. Артиллеристы были восхищены выбором позиции. Действительно Кремль виден был, как на ладони. Мы знали, что в малом Николаевском дворце, рядом с Чудовым монастырем, помещался полковник Рябцев со своим штабом. Далее были хорошо видны Спасские ворота и башня с часами, купол здания окружного суда, Василий Блаженный, — словом, в любую точку без единого промаха можно было класть снаряды.

Священник обратился с вопросом, что мы намерены делать и есть ли у нас разрешение духовного совета на право въезда в ограду церкви. Я не успел ответить, как грянул выстрел, посыпались стекла и иконы внутри и снаружи маленькой церквушки.

С наблюдательного пункта мы заметили, как после разрыва шрапнели разбежались в разные стороны стоявшие на площади юнкера. На Спасской башне затрещал юнкерский пулемет. Последовала команда: «По Спасской башне!» Грянул еще выстрел. Когда развеялась пыль, мы увидели на Спасской башне зияющую пробоину. К малому Николаевскому дворцу, со стороны Чудова монастыря, подъехал грузовик, видно было, как из штаба Рябцева начали что то грузить на него. Еще выстрел — и грузовик остался на месте разбитым.

После нескольких выстрелов по Николаевскому дворцу артиллерия перенесла огонь на купол здания окружного суда и на Спасскую башню. Один из снарядов метко угодил и разорвался в часах Спасской башни. Больше часы никогда не играли «Коль славен». Нам донесли, что на угловой башне Кремля, у Москворецкого моста, затрещал пулемет, мы навели туда оба орудия. Одним залпом двух пушек башня была сбита.

Неожиданно для нас юнкера с Кремля открыли стрельбу по нашей батарее из 76-миллиметрового орудия. Первый снаряд угодил в здание соседнего дома Еременко, второй попал в уборную обитателей церкви, стоявшую в углу ограды, и третий, как потом выяснилось, попал в особняк княгини Шаховской. Юнкерам из своей «плевалки», как ее назвали наши артиллеристы, пришлось пострелять недолго. Мы скоро выяснили расположение юнкерского орудия, и двумя-тремя выстрелами нашей артиллерии оно было подбито. Наши артиллеристы радостно и долго смеялись над тем, как закончилась затея юнкеров.

Настала ночь. Стало тихо. Только наша артиллерия по временам нарушала эту тишину осенней ночи. С нашей батареи к Устьинскому мосту, на Воронцово поле и на прилегающие улицы были высланы разведка и патруль.

Часов в 12 ночи под 1 ноября я уехал в Революционный штаб «Мастяжарта». Ночь была темная и туманная. На Вознесенском

переулке меня по ошибке обстреляли красногвардейцы Басманного района. Вокруг нашего завода ходили патрули, у ворот стояли часовые. В штабе я встретил членов Ревштаба Фирсова и Семенова, Демидов был в Алексеевском военном училище, т. Галкин выдавал кольты отправляющейся куда-то в центр команде красногвардейцев. Часа в три дня в штаб приехал Демидов и сообщил, что юнкера посажены в военную тюрьму.

2 ноября часов в 5 утра я вернулся на батарею. Рыбалко сообщил мне, что ночью нашу батарею обстреляли из окон соседнего дома. В доме, из которого стреляли, произвели обыск и нашли охотничьи и мелкокалиберные ружья. Около 10 часов утра к нам приехал Демидов. Юнкера продолжали еще хозяйничать в Кремле. Наша батарея молчала, орудийные выстрелы были слышны только с Воробьевых гор. Прибежавший из плена из Кремля рабочий в засаленном пальто сообщил, что юнкера прячутся от наших орудий в подвалах Кремлевских казарм. Тов. Демидов приказал послать несколько снарядов по этим казармам.

Артиллерия «Мастяжарта» оказала красногвардейцам, сражавшимся в центре, существенную поддержку. Вскоре пришло распоряжение прекратить стрельбу. Кремль и другие спорные пункты белых сдавались. Начались переговоры о сдаче белых. Рабочие в Москве победили.

Сокольнический вагоноремонтный завод

С винтовками против пулеметов

В 1916 г., когда я работал в Сокольнических мастерских Московской городской управы, — ныне Сокольнический вагоноремонтный строительный завод,—большевистская организация насчитывала там около 80 человек; еще больше было там меньшевиков, эсеров, сильна была также организация анархистов. Начальником мастерских был меньшевик инженер Гущин.

Несмотря на то, что в мастерских имелись сильные организации прочих политических партий, рабочим движением на заводе, где работало 5 тыс. рабочих, руководили мы, большевики. Основное ядро большевистской ячейки работало в инструментальном цехе. Все стачки проходили при нашем руководстве, а их в конце 1916 г. и в начале 1917 г. было немало. Вообще надо сказать, что мастерские были в Сокольническом районе наиболее революционной единицей. После Февральской революции нам удалось провести в советы, кажется, только 4 большевиков. Но в дальнейшем мы постоянно отзывали депутатов-меньшевиков и заменяли их большевиками.

Сейчас же после Февральской революции стало ясно, что буржуазия будет пытаться постепенно отбирать и те немногие права, которые рабочие завоевали в феврале. Мы видели, что впереди предстоит еще борьба и борьба жестокая. Мы должны были готовиться к ней.

Прежде всего необходимо было иметь оружие. На одном из общих собраний рабочих, примерно недели через две после Фев-

[1] Тов. Кох К. П. родился в 1896 г. в Курляндской губ. С лет— ученик в механической мастерской. С 1915 г.—рабочий завода „Унион" („Всеобщая компания электричества"). Затем работает на ряде других заводов. С Московского военно-артиллерийского завода, с завода „Динамо" и с завода Военно-промышленного комитета увольняется за участие в забастовках. В 1915 г. вступил в партию большевиков. В 1916 г. арестовывается. В Красной армии занимал ряд командных должностей.

После демобилизации работал в губсовнархозе Брянской губ. Затем с 1923 г.—в Сокольническом районном совете (в Москве), затем—заведующим административно-материальным отделом Центрархива, членом коллегии Центрархива. В 1928 г. был назначен директором Дорогомиловского химзавода. В 1930 г. был командирован на учебу на химический факультет Промакадемии им. Сталина.

ральской революции, было принято предложение большевиков создать при мастерских свои запасы оружия. Во время войны мастерские из ремонтных были превращены в снарядный завод, изготовлявший 3-дюймовые, 6-дюймовые и 48-линейные снаряды. Меньшевики сильно возражали против предложения большевиков, но под конец им не дали говорить, большевиков поддержали все рабочие. Нас, 18 рабочих,—3 большевиков, в том числе и меня, одного анархиста и остальных беспартийных—все молодежь,—направили в Московский совет за оружием. Из здания городской думы, где помещался тогда совет, нас направили в бывш. Московскую гостиницу, там хранилось оружие. Каждый из нас получил по одному револьверу «смит-и-висон» и по нескольку десятков патронов. Все это мы сдали в заводский комитет. Впоследствии оружие это из завкома, состоявшего из меньшевиков и эсеров, забрала ячейка большевиков к себе.

В середине мая 1917 г. наша ячейка приняла решение о необходимости обучаться военному делу.

Записалось 7 человек—все большевики. В мастерских нашелся бывший унтер-офицер, который взялся нас обучать. Организация отряда Красной гвардии в мастерских была поручена т. Андрееву М. З., рабочему-большевику. Обучение проходили на дворе завода по окончании работы. Уже на следующий день в наш небольшой отряд пришло еще двое рабочих беспартийных; отряд стал быстро пополняться, приходили все новые и новые товарищи. Но на весь отряд, в котором было уже свыше 100 человек, приходилась... одна винтовка. И из-за того, кому первому с винтовкой знакомиться, обучаться обращению с ней, происходили горячие споры, а однажды двое даже основательно подрались.

Обучение теперь уже происходило не только по окончании работы, но и в обеденные перерывы. Когда мы научились действовать по команде, мы решили выйти за пределы завода. Это было тем более удобно, что около мастерских имелось поле, где обучались солдаты инженерного полка, казармы которых были недалеко от мастерских. Солдаты относились к нам дружелюбно, хотя и слышались по нашему адресу насмешки, главным образом в связи с неумением выполнять команду. Офицеров же сильно поразило то обстоятельство, что на нашем заводе имеется отряд Красной гвардии. Иногда занятия у нас с солдатами шли в одно и то же время; но когда начальство полка заметило, что между нами и солдатами установилась связь, их перестали выводить на занятия.

Итак уже за несколько месяцев до Октябрьской революции мы имели в мастерских свой отряд Красной гвардии, способный действовать по команде. Отряд в большинстве состоял из большевиков, но было много и беспартийных рабочих и много молодежи. Среди нас, красногвардейцев, была очень хорошая дисциплина. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь когда-либо не при-

ходил на военные занятия. Мы были пропитаны сознанием неизбежности вооруженной битвы и знали, что мы выйдем победителями, если в наших рядах будут железная дисциплина и готовность отдать все за дело революции. Перед каждым вступающим в отряд именно так и ставился вопрос, и отряд был чрезвычайно крепко спаян. Это положительно сказалось на всем протяжении дальнейшей борьбы.

Наш отряд был тесно связан с районным комитетом партии, где находился штаб, руководивший восстанием. Штаб, или вернее ревком, возглавлял т. Ефремов; членами ревкома были тт. Сарра Бродская, Пресников, Русаков.

Днем 26 октября, перед тем как пойти на работу, я зашел в райком. Здесь мне сообщили о восстании в Питере и о необходимости быть готовым к выступлению в Москве. Меня предупредили, что нас оповестят, когда надо будет выступить.

И действительно в 11 час. вечера (я работал в ночной смене) накануне восстания ко мне зашел товарищ из районного штаба и сообщил, что ревком требует в штаб всех большевиков и красногвардейцев.

Я пошел по цехам снимать с работы красногвардейцев и сообщать большевикам о требовании явиться в ревком. Каждый уже кое-что слышал о событиях в Питере, и рабочие, бросив работу, группами обсуждали положение. Все были по-особому насторожены. Многие, по крайней мере из нашего, т. е. инструментального, цеха изъявили желание пойти в ревком на помощь.

По пути в ревком мы встретили красногвардейца, который сказал нам, что его только что разоружили юнкера; они разъезжали на грузовике в поисках ревкома. В ревкоме нам сказали, что мы, как и питерские рабочие, будем выступать. Но у ревкома не было оружия. Тут же мы решили итти за оружием в Моссовет. Как я добрался до бывш. Скобелевской площади—не помню, но знаю, что прибыл очень быстро. У дома за оружием стояла огромная очередь рабочих от разных предприятий. Выдавались винтовки. Но когда за несколько человек до меня уже нехватило винтовок, я вернулся в ревком. В поисках оружия ревком разослал людей в разные стороны. Один из железнодорожников явился в ревком и сообщил, что на путях Казанской дороги имеется несколько вагонов с винтовками, другой товарищ сообщил, что на Николаевском вокзале имеются патроны. Где уж, не знаю, ревком раздобыл несколько грузовиков, и мы всю ночь доставляли в помещение ревкома оружие и патроны. К утру все было перевезено. И ревком, в распоряжении которого раньше имелось только 5 винтовок, теперь располагал целым складом винтовок и патронов.

В первую очередь ревком вооружал рабочих, которые были на военной службе и умели в совершенстве владеть винтовкой. Нас, молодежь, возмутило то, что нам не хотели немедленно дать оружие. Мы категорически потребовали его. Когда нам т. Брод-

ская, исполнявшая распоряжение ревкома, отказала, мы заявили, что возьмем его сами. Тогда она влезла на ящики с винтовками, думая, таким путем уберечь их от нас. Мы ее попросили слезть и, когда она не послушалась, мы ее стащили с ящиков и разобрали часть винтовок и патронов. Винтовки были новенькие. Нас стали включать в отряды и отправлять в город.

К ревкому прибывали все новые и новые партии рабочих. Было решено организовать при Сокольнических мастерских нечто вроде базы оружия, снаряжения и питания. При мастерских был создан штаб, куда вошли тт. Шумкин, Андреев и Гнилосатов (кавказец). Первые два—большевики, а третий—анархист. Прибывавшие из различных предприятий в ревком группы рабочих направлялись к нам в мастерские; здесь их вооружали и формировали из них отряды и направляли по указанию ревкома. Благодаря тому, что наши мастерские перешли от изготовления снарядов к ремонту грузовых и броневых машин, мы имели возможность, отремонтировав их, и пользоваться ими. Кроме того мы были связаны с танкоброневым отрядом, который направлял к нам для ремонта свои машины. Товарищи оттуда пришли к нам и предложили использовать их по своему усмотрению. О дальнейших событиях в ревкоме и в штабе я не знаю, так как с одним из отрядов я был отправлен на баррикады. И о танкоброневом отряде ничего также не знаю. Желательно, чтобы кто-нибудь из товарищей, знающих эти события, поделился своими воспоминаниями.

Мы шли на помощь краснопресненцам, которые наступали на дом градоначальника. Он помещался на Тверском бульваре, там, где сейчас уголовный розыск. Наступление шло со стороны бульвара. Юнкера засели в доме градоначальника и еще в некоторых прилегающих к нему домах. Повидимому их там было много, так как они открыли сильный огонь. У них было несколько пулеметов. У нас же пулеметов не было. Мы медленно, прячась за деревья и пользуясь всевозможными прикрытиями, продвигались вперед. Стреляли юнкера метко. Несколько наших товарищей было убито и много ранено. Из нашего отряда был смертельно ранен т. Петерсон. Выбить юнкеров оказалось очень трудно. Каждое наше наступательное движение они быстро улавливали и открывали по нас огонь. Каждое такое движение стоило нам новых жертв. Но и мы не так метко, но все же попадали в цель. Когда же к нам на помощь пришел еще отряд, не знаю откуда, мы сразу бросились на штурм к дому. Насколько мне помнится, это было 27 октября.

Юнкера нас встретили сильным огнем, но потом огонь заметно стал слабеть и перешел в отдельные выстрелы, когда мы стали проникать в дом.

Нас было много. Дальше в этом доме всем делать было нечего. Отряд краснопресненцев заявил, что теперь он с домом градоначальника сам справится. Мы вернулись в мастерские, немно-

го отдохнули, подкрепились и отправились на другой участок. Часть была послана на Варварку, другие к Главному почтамту. Этот последний после обстрела мы заняли.

Затем мне пришлось участвовать в Сокольнической роще. Здесь находился санаторий-больница. По поступившим в ревком сведениям в санатории находился штаб белых. Мы отправились туда на грузовике. Окружили дом. Действительно в санатории не оказалось ни одного больного. Наше прибытие было для белых большой неожиданностью. Все они были в офицерской форме с накинутыми поверх белыми халатами. Все были вооружены револьверами. Мы разоружили их, посадили на грузовик и отвезли в Московский совет, где помещался ревком. По пути к ревкому, у Сухаревской башни, нас встретили юнкера, засевшие в двух угловых домах Сретенки. По нас открыли сильный огонь. Шофер машины был из танкоброневого отряда, боевой малый. Он дал полный ход, и мы благополучно пролетели. Никто из нас не пострадал.

В городе шла сильная перестрелка. Слышны были пулеметная трескотня, ружейная беспорядочная стрельба, орудийные выстрелы двух калибров. Откуда-то стреляли через город в Кремль, где засели юнкера. Это происходило так близко, что был слышен полет снарядов. Когда мы находились в Доме советов, пришла весть о том, что юнкера сдаются. Эту весть мы привезли в районный ревком. Дальше я не принимал участия в вооруженных выступлениях. Я остался при штабе мастерских, где нес караульную службу. За все время через штаб Сокольнических мастерских прошло очень много красногвардейцев. Все они тут же вооружались, формировались в отряды и направлялись по назначению ревкома. Добывались откуда-то все новые и новые партии оружия, снарядов и патронов. Заведывал оружием т. Щербаков, рабочий нашего завода.

За все время боев у нас ни разу не возникало сомнения в том, что мы победим. Не было нытья. Все рвались в бой, и как же мы бузили, когда кого-нибудь из нас не отправляли с отрядом. Трудно было найти товарища, который добровольно согласился бы остаться для охраны штаба; приходилось просто приказывать.

Красногвардейцы были неважно обучены. Кроме служивших раньше в армии немногие знали военное дело. Кроме того против пулеметов противника у нас были одни лишь винтовки. И тем не менее пулеметам юнкеров мы противопоставили революционный дух, веру в наше дело, уверенность в победе. И в этом было наше преимущество.

Воспоминания

А. Ю ЛИДАКА[1]

Завод им. Сталина (бывш. АМО)

Как мы вооружались

На заводе им. Сталина, бывш. АМО, заводская подпольная организация большевиков уже в конце 1916 г. готовилась к событиям, назревавшим на фронте и в тылу. Наша парторганизация стояла на позиции пораженчества. Помня опыт революции 1905—1906 гг., мы готовились к вооруженному восстанию, доставая всякими способами то или иное оружие.

Вооружение организации продолжалось всю Февральскую революцию. Сейчас же после февраля мы в первую очередь обезоружили специалистов и служащих завода.

В апреле нам пришлось разоружить в Симоновском комиссариате милицию. Милиционеры чинили в пьяном виде всякие безобразия. Охрана района перешла в руки революционных рабочих. Во главе комиссариата по решению исполкома районного совета и подрайкома большевиков стал в полном составе амовский завком. До укомплектования милиции новым составом бессменно несли дежурства рабочие других заводов: «Динамо», завода Бари (теперь Парострой), Прессового, завода «Турбосоединение» и т. д.

Комиссаром был назначен т. Горшков И., левый эсер, теперь член ВКП(б).

Это были наши первые шаги в организации Красной гвардии в Симоновском районе.

На АМО в апреле-мае 1917 г. был организован свой отряд красногвардейцев. Основное ядро отряда составляли те товарищи, которые вернулись из милиции. Начальником отряда был т. Белов (столяр). Сначала в отряде насчитывалось всего 10—15 человек. Военное обучение отряд проходил на заводе и на плацу около Симоновского районного комиссариата милиции.

---

[1] Тов. Лидак—сын рабочего. С 8 лет работает по найму, с начала пастухом, затем рабочим-слесарем на ряде предприятий (химический завод Трампедах и К° в Риге, судостроительный завод Беккера, Московско-казанская железная дорога и др.). Член РСДРП (большевиков) с 1905 г., участник ряда забастовок. В 1906 г. арестовывается. После Октября—на ряде ответственных партийных и хозяйственных должностей. С 1925 г.—директор завода № 3 „Каучук".

Во время июльского выступления против Временного правительства в Москве выступили районные отряды Красной гвардии.

Наш заводский отряд к этому времени был уже достаточной силой, и мы смогли выступить организованно.

Помню, как отрядам Красной гвардии приходилось продвигаться от Московского совета к Гнездниковскому переулку, в Капцовское училище, где помещался Московский комитет большевиков. С большим трудом, через толпу озлобленных буржуев, мещан, меньшевиков, эсеров, «батальона смерти» мы пробирались к Московскому комитету. Чтобы отбить напиравшую на нас контрреволюционную свору, нам приходилось время от времени обнажать оружие. Этот эпизод лишний раз доказал нам всю важность дальнейшего вооружения.

В собирании оружия много помог нам районный комиссариат милиции в лице тт. Вимба, Горшкова, Мартинайтиса и др. Они передали нам несколько револьверов системы «наган», а также и другие виды оружия, взятые при обысках у буржуазии и не занесенные на учет в комиссариате милиции.

Первыми начальниками Симоновского штаба Красной гвардии были тт. Горячкин и Зуев с завода «Динамо», потом т. Гончаренко. В районный штаб входили еще тт. Белов, Ефимцев. От подрайкома большевиков и райсовета входили т. Гончаров Н. К. и я[1]. Мы с ним вдвоем поддерживали связь с Московским штабом Красной гвардии. Красная гвардия в Симоновском районе была организована примерно в мае—июне 1917 г.

Большевики — руководители района, поддерживаемые огромным большинством симоновских рабочих, вели военную подготовку, невзирая ни на какие устрашения меньшевиков, эсеров, буржуазного Временного правительства, не подчиняясь их требованиям сдавать оружие и угрозам разоружить рабочие отряды насильно.

Июльские события в Петрограде вызвали выступление московского пролетариата и отрядов Красной гвардии всех районов, которые двинулись в центр организованными вооруженными рядами.

Симоновский район в то время был уже большевистским; рабочие всех предприятий района шли за большевиками. На «демократическое совещание» Рябушинских, меньшевиков, эсеров и К° симоновцы ответили дружной забастовкой. Районный совет был в руках большевиков. В районную и городскую думы рабочие также посылали большевиков. Особенно успешно проходили

[1] Кроме вышеуказанных товарищей помню еще по Красной гвардии в районе по заводу им. Сталина (бывш. АМО): Егорова, Аленьева, Зыкова, Раумина, Ендзинь, Михельсона, Грислис (умер в ноябре 1917 г.), Гольцева, Гаврилина, Алешина и др.; по заводу „Динамо": Борисова И. С (умер в 1919 г.), Борисова Илью, Макарова, Соколова Н. И., Васильеву, Киселева, Кимель М. И. и др.; по заводу „Парострой" (бывш. Бари): Макарова; по Прессовому заводу: Соколова и др.

списки большевиков в сентябре и начале октября 1917 г. Впоследствии при выборах в Учредительное собрание большинство голосов также было отдано списку большевиков.

Заводский отряд Красной гвардии стал усиленно заниматься военной учебой. Накануне октябрьского восстания в здании областного совета на Самотеке было созвано совещание Московского комитета партии совместно с фракцией большевиков Моссовета. Собравшимся, в числе которых был и я, сообщили о подготовке восстания, о революции в Петрограде, о захвате власти советами. Было решено, что Москва должна поддержать Петроград.

Для руководства восстанием был выбран Московский военно-революционный комитет. Для руководства восстанием в районах там были также выбраны ревкомы. Симоновский районный ревком состоял из товарищей: Гончарова Н. К., Алешина и меня, потом в него были дополнительно избраны тт. Азарх, Горшков и др.

На другой день, т. е. 26 октября (ст. стиля), на основании постановления МК и фракции Моссовета по призыву Симоновского подрайкома большевиков работа на всех заводах и фабриках района была прекращена. Красная гвардия была наготове, хотя технически она была вооружена чрезвычайно слабо: несколько револьверов и винтовок, старых берданок. Но настроение было бодрое, боевое.

Во второй половине дня в районе появился отряд в 10—12 юнкеров и офицеров, вооруженных пулеметами и винтовками. Мы были тесно связаны с солдатами симоновских патронных складов. От солдат склада входили в райсовет депутаты. Мы быстро узнали, что офицеры и юнкера забрали со склада патроны. Со склада юнкера на автомобиле направились мимо нашего штаба к заводу АМО, где забрали несколько грузовых машин.

Помню, в ревкоме было совещание, в котором участвовали тт. Гончаров Н. К. и Уханов. На совещании был поставлен вопрос: что делать при появлении юнкеров? Мы были вооружены слабо и наше выступление против юнкеров могло вызвать большие жертвы; мы решили воздержаться.

С АМО юнкера повернули обратно и поехали к центру города, не заезжая больше в патронные склады[1]. Это я узнал от нашей разведки.

В это же время на заводе «Динамо» под руководством т. Гончарова и других шло совещание ревкома района совместно с районными общественными организациями. Я был оставлен дежурным в здании райсовета, где помещались все районные организации и ревком.

[1] Несколько позже мы узнали, что юнкера были разоружены и автомобили у них отобраны у Яузского моста рогожским отрядом Красной гвардии.

Получив от молодого связиста, рабочего-ученика завода «Динамо» (фамилии его не помню), сообщение, что юнкера уехали в центр города, не выставив своих постов на Симоновских патронных складах, я немедленно через этого же связиста вызвал в подрайком заседавших товарищей. Минут через 30—40 пришли тт. Гончаров, Алешин, Соколов Н. И., Смирнов С. П., Уханов, Вимба и др. и с ними все красногвардейцы Симоновского района. Районный отряд состоял приблизительно из 200 человек.

Было решено всем немедленно двигаться к Симоновским патронным складам и захватить их в свои руки как опорный пункт для дальнейших боев. Так мы и сделали. Поздно вечером 26 октября склады были в наших руках. Все офицеры арестованы, расставлены наши посты. Солидарные с нами солдаты во всем нам помогали. Мы взяли все годные имеющиеся на лицо винтовки (берданки), их было 30 — 40 штук, и патроны к ним. В ревкоме мы взяли хранившиеся там ящики с патронами для оружия разных калибров и систем. Ночью 27 октября начались бои в центре города.

Когда районы, в том числе и Симоновский, узнали, что в центре нет достаточной уверенности в исходе боев, что начались колебания и разговоры о «перемирии» с Рябцевым, командовавшим тогда Московским округом, отряды Красной гвардии всех районов и революционные части солдат быстро выступили на помощь Моссовету и ревкому. Симоновцы, взявшие патронные склады в дни Октябрьской революции, сыграли большую роль в исходе боев по всей Москве. Из складов по распоряжению Московского ревкома снабжались оружием все районы и революционные воинские части Москвы, Московский и Подольский уезды. В дни октябрьских боев из складов было отпущено свыше 2 млн. разных патронов и некоторая часть снарядов.

Ночью 27 или 28 октября мы пробрались на городскую станцию Казанской железной дороги, где получили несколько ящиков с новыми винтовками 3-линейного русского образца. Это вооружение сильно укрепило наш отряд.

Вместе с Красной гвардией Рогожского района мы принимали участие в боях у Ильинских и Никитских ворот и во взятии Кремля. Кроме того наш отряд под руководством т. Горшкова И. В. отбивал Крутицкие казармы, где находились юнкера и старый воинский начальник. Крутицкие казармы представляли большую угрозу: они могли в любое время занять Симоновские патронные склады.

После октябрьских боев и некоторой передышки районный штаб Красной гвардии начал приводить себя в порядок. Были приобретены винтовки и пулеметы, началась усиленная военная подготовка, регулярное обучение красногвардейцев и комплектование отрядов из рабочих для охраны порядка в районе и в городе.

Было приступлено к организации и формированию новых отрядов Красной гвардии и красных партизан, которые вместе с революционными частями старой армии поддерживали революционный порядок и отбивали все попытки нападения на советы. Красногвардейцы потом стали основным костяком Красной армии.

В январе 1918 г. начался добровольный набор и формирование красноармейских частей из красногвардейцев-добровольцев.

С 1 мая 1918 г. по 1 мая 1919 г. Рогожско-симоновский военкомат[1] сформировал до 18 частей, полков и отрядов разного рода оружия, в том числе 38-й Рогожско-симоновский полк, 34 и 36-й рабочие полки, инженерные войска и др.

Так под руководством Всесоюзной коммунистической партии, ее Московского и районного комитетов, под руководством гениального учителя Ленина мы строили Красную гвардию, а потом армию, боролись за Октябрьскую революцию, за советскую власть, за победу рабочего класса над всеми его классовыми врагами, за социализм.

[1] Рогожско-симоновский район теперь называется Пролетарским.

Воспоминания
Г. Яцковского[1]

2-я запасная автомобильная рота

В доме Курникова

В дооктябрьские дни я дезертировал с фронта, пробрался в Москву и попал в одну из команд 2-й запасной автомобильной роты, расположенной в Сущевско-марьинском районе, на Нижнеслободской ул., № 14, в доме Курникова.

Фабричные и заводские комитеты всех предприятий района находились уже под руководством большевиков, исключение составляла типография (фабрика) Кушнерева, в которой засели меньшевики.

Эсеры и эсдеки имели большинство в Московской городской думе, в Московском гарнизоне, в Моссовете. Зато районные думы и войсковые части Московского гарнизона (полковые, районные, эскадронные, батарейные комитеты) имели в своем составе большинство большевиков.

Наряду с крепко организованной партийной организацией большевиков в районе существовали отдельные группы социалистов-революционеров, интернационалистов и анархистов нескольких оттенков (анархосиндикалисты, анархисты-коммунисты и др.). В отдельных учреждениях и организациях они занимали руководящие должности и фактически были хозяевами положения. В районе была большая войсковая часть, около 1 200 солдат. Эта часть слагалась из 4 команд: учебной, нестроевой, караульной и 2-й школы военных шоферов. Партийные влияния в воинских частях распределялись так: в учебной команде главенствовали кадеты, в нестроевой — оборонцы, во второй школе военных шоферов — большевики, но с большой оппозицией со-

[1] Тов. Г. Яцковский родился в 1892 г. в городе Николаеве. Сын рабочего и сам рабочий. До 1906 г. работал батраком, затем — шофер и слесарь, в империалистическую войну был мобилизован. После Октября был комиссаром 2-й школы военных шоферов. Член партии с февраля 1918 г. Военный комиссар Сущевско-марьинского района в 1918 г. В июле 1918 г. выехал добровольцем на фронт, по 1924 г. находился в рядах Красной армии, был начальником броневых сил армии, фронта и военного округа. С 1924 г. был начальником управления сначала Западного, затем Среднеазиатского округа местного транспорта. С 1932 по 1933 г. работал старшим инспектором Цудортранса. С 1933 г. — слушатель Транспортной академии.

циал-демократов и социалистов-революционеров. Караульная команда политически не определилась. По численности и по активности впереди шла школа шоферов.

Призыв Временного правительства к войне до победного конца, введение смертной казни, июльские дни, августовское наступление Корнилова и разгон рабочих и солдатских депутатов в отдельных городах сильно накалили атмосферу. Достаточно было небольшого толчка, чтобы началось общее решительное движение.

Весь день и ночь 25 октября 1917 г. прошли в митингах. Вечером 25 октября, зайдя в военную организацию большевиков в гостиницу «Дрезден», я застал одного дежурного. Оказывается, все ушли в Московский совет. Дежурный ничего толком не мог объяснить, одно было мне понятно: произошло что-то важное. В Моссовете на лестнице меня обогнал Усиевич.

— В Петрограде началось восстание, — сказал он. — Сейчас избирается Московский ревком. Немедленно нужно привести части в боевую готовность и держать всех под ружьем.

Хорошее дело — под ружьем, а где было взять винтовки? Проходя через залу, я услышал прения. Говорил какой-то меньшевик-новожизненец (фамилии его я не помню) о том, что большевики идут на авантюру, разрывая связь с демократией. Подумал — сидеть и слушать или итти в часть и поднимать ребят? Пошел. В три часа ночи местком постановил забрать 40 наганов и 1 тыс. патронов, а к 7 часам утра собрался объединенный местком. Во время заседания явился прапорщик Штродах (я потом с ним познакомился и узнал его фамилию) с рабочими и потребовал 20 шоферов. Давать 20 шоферов прапорщику было рискованно.

Штродах предъявил мандат и отношение Московского ревкома с требованием дать 20 шоферов для разгрузки 20 броневиков в Сокольниках. Броневики принадлежали бельгийскому броневому дивизиону. Я откомандировал в распоряжение Штродаха нужных шоферов, но бельгийцы успели вывезти броневики за пределы Московского узла.

Объединенный комитет дома Курникова постановил готовиться к восстанию. Представители учебной команды заявили, что они против выступления и остаются на стороне Временного правительства. Учебная команда имела 50 винтовок и 5 тыс. патронов и чувствовала себя хозяином положения.

К 12 часам дня 26 октября школа шоферов реквизировала 4 легковых машины у командного состава, а командный состав был посажен под домашний арест. В тот же день мы установили связь с районными революционными организациями.

Утро прошло в разговорах, спорах, митингах. Дом Курникова представлял собой муравейник. К 2 часам дня комитеты отправились на совещание Московского гарнизона в Политехнический музей.

Аудиторию заполнили серые шинели. На повестке дня стоял один вопрос — переход власти к советам. Докладчиком был т. Усиевич.

После первых же его слов аудитория замерла. Сообщение о том, что в Петрограде власть перешла к советам, о создании в Москве ревкома выслушали с большим вниманием. Группа офицеров и юнкеров, сгрудившись с левой стороны президиума, нервно и отрывисто подавала реплики. После Усиевича слово взял меньшевик Кибрик. Аудитория заволновалась, зашумела, явно отказываясь слушать его. Кибрику говорить не пришлось. После Кибрика делали попытки выступить эсеры и другие эсдеки, но с таким же успехом. Солдаты не давали себя морочить. Для принятия решения постановили собраться еще раз.

К вечеру выяснилось, что учебная команда продолжает оставаться на стороне Временного правительства, нестроевая команда осуждает «узурпаторство» большевиков, а караульная команда постановила присоединиться к ... большинству, другими словами — заняла неопределенную позицию. Эту формулировку еле-еле протащил неопределившийся анархист Варламов (потом большевик). Только 2-я школа выступила с революционными требованиями.

К вечеру был созван объединенный комитет, на котором избрали делегата в состав районного ревкома. Избрали т. Вахрамова и кандидатом меня. Я должен был остаться председателем революционной тройки дома Курникова. Эта мера была необходима для того, чтобы революционно организовать команды дома Курникова.

Ночь прошла без особых событий, несколько вызывающе вела себя учебная команда. В командах митинговали вместе и группами. Время уходило на поиски оружия, на подготовку восстания.

Вечером Громоковский, Курашев и я решили разоружить учебную команду. Эту операцию нужно было проделать конспиративно, довериться другим не решались, боялись, что проболтаются.

В 2 часа ночи, через час после смены, босиком мы втроем поднялись со второго этажа на четвертый. У пирамиды с винтовками дремал дневальный. В одно мгновенье ему заткнули рот тряпкой, затем мы обезоружили его и связали. Через несколько минут такая же участь постигла и постового в дежурной комнате. Стеречь их остался Громоковский, а я и Курашев в пять приемов снесли винтовки вниз. Разбудив семь человек из своей команды, вооружили их и с их помощью перенесли к себе и патроны. Через три минуты после того как мы закончили эту операцию, в учебной команде поднялась тревога, но оружие было уже у нас. Утром 27 октября часть учебной команды, контрреволюционно настроенная, разбежалась, остальные присоединились к школе шоферов.

Из вечерней газеты узнали, что командующий Московским военным округом полковник Рябцев предъявил ультиматум Московскому ревкому самоликвидироваться. Московский ревком отверг ультиматум Рябцева. В эту ночь произошло первое вооруженное столкновение на Красной площади. Через площадь проходили двинцы. Юнкера встретили их огнем. Несколько двинцев было убито и ранено. В эту же ночь юнкера сделали попытку занять Политехнический музей, но были отбиты батальоном самокатчиков.

За последние дни в дом Курникова начали стекаться офицеры из других частей. Их нужно было изолировать, т. е. арестовать, и посадить на гауптвахту вместе с нашими офицерами, которые все еще находились под домашним арестом.

На следующий день утром Вахрамов собрал объединенный комитет и сложил с себя обязанности районного делегата ревкома. Вместо Вахрамова в ревком делегировали меня, а председателем ревтройки дома Курникова. вместо меня. назначили Курашева. Около полуночи, когда я собрался уходить в районный ревком, Вахрамов рассказал мне, что его побудило уйти из ревкома: отсутствие оружия, болезнь и боязнь за исход дела. В ту же ночь ревком был реорганизован. В новый состав вошли: председатель — Кузнецов, левый эсер, секретарь Факторович — анархист, члены — Нефедов, кажется, эсдек-интернационалист, Иванов — эсдек-интернационалист, Сидоров-Щербаков — большевик, Людвинская — большевичка. Одно место было оставлено за воинскими частями. После этого ревком послал Сидорова-Щербакова в дом Курникова.

По прибытии в ревком я предъявил полномочия председателю ревкома Кузнецову, тот справился о состоянии части и предложил мне организовать на первых порах оборону и приступить к вооружению Красной гвардии.

К этому времени при ревкоме был образован военный штаб, возглавляемый группой рабочих: Шныревым, Николаевым, Вьюковым и другими, в большинстве анархистами.

Прежде всего были построены баррикады в Трифоновском переулке и на Александровской, со стороны Екатерининской улицы. Въезд к ревкому был оставлен с Бахметьевского переулка. Были выставлены дозоры, посланы патрули. Десятка два или три шоферов были посланы реквизировать автомашины. Все машины, не принадлежавшие военно-революционным комитетам, реквизировались. Днем 28 октября театр «Олимп», где помещался ревком, был полон рабочими и работницами, но оружия не было. Грузовики, посланные Московским ревкомом в Кремль за винтовками еще 26 октября, не возвратились. Нетерпение рабочих росло. Были разосланы солдаты и рабочие по вокзалам на поиски оружия и патронов, но безрезультатно.

Днем в Политехническом музее на гарнизонном собрании я слышал, как унтер-офицер 21-й автомобильной роты предложил

начать бой. Эсеры и меньшевики демонстративно покинули заседание. Чтобы не разрывать с ними,—были еще какие-то иллюзии, что нам с ними по дороге, — их пригласили обратно и стали искать компромиссного решения. Решили избрать десятку для примирения Комитета общественной безопасности и Московского ревкома. В состав вошли 6 большевиков и 4 левых эсера. Впоследствии эта десятка отказалась от своей роли. Но в массе солдат чувствовались приподнятое настроение, неверие солдат в возможность примирения и желание итти в бой.

День 28 октября — начало настоящих организованных боев. В этот день милиционеры Сущевского комиссариата объявили нейтралитет. Милиционеры Марьинского комиссариата постановили активно принять участие в революции и предоставить себя в распоряжение ревкома.

29 октября были найдены наконец винтовки, патроны и ручные гранаты на одном из вокзалов. Тотчас же почти все рабочие, которые находились в «Олимпе», были вооружены. 700 — 800 винтовок были отправлены в дом Курникова, часть—на заводы и фабрики. Оружие раздавалось на руки, и тут же рабочие обучались, как владеть им.

Теперь предстояло организовать новые вооруженные силы. Воинские части решено было использовать как части линейные, т. е. они назначались исключительно для штурмовых целей против линейных частей белых. Красную гвардию, состоявшую из рабочих, разбили по сотням. Во главе сотен были поставлены командиры из солдат или рабочих, прошедших военное обучение. Молодежь и работницы были расставлены для связи с предприятиями. Рабочие, имевшие достаточный опыт революционной борьбы, но вследствие физических недостатков не включенные в строевую службу, использовались для связи с центром.

29 октября части Сущевско-марьинского района участвовали в атаке телефонной станции на Милютинском переулке. В этой операции от Сущевско-марьинского района участвовало 200 человек, преимущественно из солдат дома Курникова. Когда выяснилось, что одним налетом нельзя взять Центральную станцию, мы приступили к осаде под руководством прапорщика Саблина. Передав командование своим отрядом т. Иванову, я отправился в район. Здесь усиленно шло формирование новых отрядов Красной гвардии. Настроение было приподнятое. Где-то раздобыли около 25 пулеметов, которые были отправлены в центр.

Надвигался очередной вопрос: чем кормить Красную гвардию? Многие предлагали закупить продукты на рынке. Им возражали, указывая на отсутствие средств. Другие предлагали красногвардейцам брать продукты из дому, третьи — приступить к реквизиции. Все хозяйственные дела поручили Щербакову-Сидорову и Зотову. Так как дом Курникова имел большое количество реквизированных автомобилей, то фактически все они поступили в распоряжение ревкома. Мы решили реквизировать у

Курникова большой гастрономический магазин по Нижнеслободской ул., д. № 14. Я с Щербаковым-Сидоровым взял у старшего сына Курникова ключи и в его присутствии взвесил бочки с сельдями, копченую рыбу, колбасу, сыр и другие продукты. На все взятые продукты была дана расписка. Магазин мы закрыли на замок, ключи отдали Курникову, наложили на магазин печать воинской части. Хлеб мы взяли в хлебопекарнях. Так был разрешен продовольственный вопрос.

Зрительный зал и фойе «Олимпа» были заняты Красной гвардией. Ревком помещался на сцене, в уборных артистов. В операторной кино и смежной комнате — штаб Красной гвардии.

Красная гвардия Сущевско-марьинского района развивала свои боевые операции главным образом в Милютинском переулке и на Тверском бульваре. Один из самых боевых отрядов, сформированный из солдат, попал на Арбат. В самом районе Сущевско-марьинском не было боевых действий, поэтому части Красной гвардии были командированы для помощи Городскому району, Пресненскому и в непосредственное распоряжение Московского ревкома. Руководство вооруженных сил района не имело своего районного плана борьбы с белыми, оно ограничивалось наблюдением за состоянием своих частей, которые прикомандировывались к другим районам. На долю Сущевско-марьинского района выпала задача парализовать действия бандитов в районе.

Первый налет бандитов произошел 30 октября около 8 часов вечера. Член ревкома Нефедов сообщил, что 15—20 минут назад был ограблен казначей союза кондитеров, у которого было взято около 1 300 руб. Еще через несколько минут стало известно о нападении бандитов на Александровской площади и на углу Тихвинского переулка. Бандиты были вооружены винтовками, револьверами и финками. У некоторых бандитов находили пропуска Московского ревкома, которые при проверке оказывались поддельными. В Марьиной роще бандиты делали попытки захватить автотранспорт, находившийся в мастерских по Шереметьевской улице около железнодорожного моста. Бандитов решено было расстреливать.

В ту же ночь в Марьиной роще на площадке у Миусского кладбища бандитов расстреляли. Утром среди расстрелянных опознали жителей Марьиной рощи, бандитов: Шурку-парикмахера, Володю Лесного, Ваньку Шмыга и др. Бандитизм в Марьиной роще был ликвидирован. Не удалась также попытка контрреволюционеров собрать белых в стенах Московского института инженеров путей сообщения (Бахметьевская улица).

Наряду с успехами организации Красной гвардии ревком имел неудачи и совершил ряд политических ошибок. В ревкоме шли бесконечные споры между большевиками и социал-демократами-интернационалистами. Моя ошибка заключалась в том, что я считал активных меньшевиков способными совместно с боль-

шевиками бороться на баррикадах против белых. Солдаты — меньшевики и эсеры не были выделены из общей массы. В Милютинском переулке эти группы солдат разложили отряд, который покинул занятый до этого дом против Центральной телеграфной станции. Часть солдат возвратилась в ревком, часть в дом Курникова. Солдаты мало того, что оставили позиции, но по возвращении в дом Курникова они еще стали агитировать за невмешательство. Эта крупная политическая ошибка послужила нам наглядным уроком. Она показала, что меньшевики находятся по другую сторону баррикад, в Комитете общественной безопасности, и что вооружать и посылать их на баррикады нельзя.

Арестованные офицеры и находившиеся в части на положении «домашнего ареста» разложили раволюционное руководство дома Курникова, которое потеряло классовое чутье и поддалось на приманку врага. Офицеры уговорили Курашева разрешить принести выпивку, угостили Курашева (прости, друг, если будешь читать, но это необходимо для истины и для предотвращения таких ошибок в будущем). Напоив Курашева, меньшевики принялись за дело, добились общего собрания и протащили резолюцию о нейтралитете.

Ночью я отправился в дом Курникова, приняв твердое решение: или солдаты возьмут винтовки в руки, или я не уйду живым оттуда. Ночью же провел собрание, на котором разъяснил предательскую роль меньшевиков и преступность Курашева и других.

Когда был поставлен вопрос — «Хотите ли быть предателями революции и итти в кабалу к белым или хотите быть свободными гражданами?» — ответ был: «Хотим быть свободными». В течение 20 минут оружие было на руках. К сожалению мое распоряжение задержать меньшевиков и эсеров не было выполнено: они успели улизнуть. Это была вторая ошибка — им дали уйти.

Курашев на общем собрании поклялся, что в будущем не допустит подобных явлений и будет первым бороться против таких безобразий. Я спросил собравшихся, быть ли Курашеву во главе дома, и получил ответ: «Пусть идет с нами на баррикады». Я поручил Курашеву сформировать отряд из 300 человек. В доме оставались офицеры да больные солдаты, среди которых, правда, были и симулянты. Я вызвал начальника второй школы военных шоферов поручика Трипагонова и сказал ему, что он остается начальником гарнизона, что за разбег офицеров, пропажу имущества (а в доме Курникова находились интендантские склады вещевого довольствия, заключавшие в себе в большом количестве спецобмундирование) он отвечает головой.

Отряд Курашева попал к Никитским воротам, и к концу революции в нем осталось около ста человек. 30 человек было найдено убитыми в моргах московских больниц, человек около пятидесяти в течение ноября и декабря возвратились из больниц

и лазаретов, остальные пропали без вести. По отзывам товарищей отряд дрался отчаянно и был в самых опасных местах.

Из начальника школы — либерала Трипагонова вышел коммунист, который потом работал в Красной армии.

Несмотря на неудачи и злостные козни контрреволюционного меньшевизма, рабочий класс под руководством большевиков выполнил историческую роль: он взял власть в свои руки.

Первый этап борьбы закончился.

Воспоминания
Ф. СЯДУКА[1]

Завод „Каучук"

Шесть дней в боях

Рабочие «Каучука» на второй день после Февральской революции избрали заводский комитет, в который вошли тт. Лайва, Касперович, Юревич Б., Лазда, Ефимов И. И. и Сядук. Все шесть товарищей (за исключением Ефимова, который вступил в партию в 1918 г.) составляли ядро большевистской организации на «Каучуке».

Несмотря на то, что мы все были очень молодыми, совершенно неопытными еще большевиками, работу мы вели среди рабочих так, что наша организация росла и крепла с каждым днем. Этим успехом мы конечно во многом обязаны были районному комитету партии, особенно секретарям его — сначала Иванову В. И., потом заменившему его т. Ставровичу. Организация «Каучука» стала вскоре одной из боевых большевистских организаций не только в Хамовническом районе, но и в Москве. Каучуковцы с первого дня Февральской революции без малейших колебаний встали под знамя партии большевиков и других партий не признавали. Несмотря на ведущуюся на заводе агитацию разных партий, большевистское руководство и воспитание закалили в борьбе каучуковскую организацию. Большевики повседневно разоблачали соглашательскую политику социал-революционеров, меньшевиков и в то же время призывали рабочих готовиться к свержению буржуазии путем вооруженного восстания.

Особенно резко этот вопрос был поставлен после июльских дней в Петрограде. Рабочий коллектив завода «Каучук» в ответ на эти события единодушно сплотился вокруг большевиков, чтобы готовиться к вооруженной борьбе.

[1] Тов. Сядук родился в 1884 г. в деревне Оршанского уезда Могилевской губ. в семье бедного крестьянина. В 1911 г. уехал в Москву и работал здесь дворником. С 1912 г.—рабочий завода „Каучук" в Риге. Переезжает в Москву после эвакуации сюда этого завода и продолжает работать на нем до настоящего момента. Сейчас на „Каучуке" т. Сядук—начальник отдела технического контроля. После Октября работал на ряде ответственных партийных выборных постов. Был на польском фронте по партийной мобилизации.

Районный комитет большевиков постановил создать из рабочих Красную гвардию, вооружить и обучить ее. Занятия происходили у райкома, который помещался на Внешнем проезде Девичьего поля в доме № 6. В садике перед домом нас знакомили с винтовкой: мы ее разбирали и собирали. Стрелять нас учили только из охотничьего ружья, принадлежавшего секретарю райкома т. Иванову.

От завода «Каучук» первые пошли на военные занятия члены завкома, партийцы: Лазда, Булимов, я, Юревич, Павел Касперович, Зубарев (умер) и еще двое, фамилии их я не помню. Инструкторами были: тт. Туманов из Уваровского, ныне Артамоновского, парка, Лепицкий и из 193-го полка какой-то товарищ. Винтовок—берданок французского образца было 12 штук, обучалось на них человек до 30.

В августе на почве ухудшения экономических условий мы 19-го числа объявили забастовку, которая длилась до 27 августа. В требования были включены также и политические пункты, как например передача охраны завода в руки заводского комитета. Мы дрались за этот пункт, придавая ему особое значение. Забастовку мы выиграли. Наши требования были почти полностью удовлетворены, в том числе и пункт о передаче охраны завода заводскому комитету. Благодаря этому мы получили возможность закупить винтовки и обучали обращаться с ними так называемых «охранников» (мы несли охрану завода уже во время забастовки), а также привлекали к обучению новых рабочих, в первую очередь партийцев.

С каждым днем мы увеличивали штат «охранников» и довели его к октябрю до 25 человек, не считая тех, которые не несли дежурств по заводу, но посещали занятия. Таких было около 20 человек. Винтовок у нас было 8. К октябрю мы располагали уже 40—45 бойцами — красногвардейцами, организованными под командой т. Лепицкого.

События нарастали с необыкновенной быстротой. Революционная атмосфера накалялась. Рабочие «Каучука», в полной готовности, с большим нетерпением ждали призыва большевиков итти в бой за власть советов, на разгром буржуазии, за диктатуру пролетариата.

Долгожданный день наступил. 26 октября (по старому стилю), в 10 час. утра, т. Э. Юревич пришел на завод и сообщил, что Московский комитет решил объявить политическую забастовку в Москве, разъяснить рабочим создавшееся положение в Петрограде, призвать их к боевой готовности. На заводе предложено было организовать военно-революционный комитет и в боевом порядке ждать особых распоряжений.

Мы немедленно остановили завод, собрали всех рабочих. На собрании Юревич кратко информировал о событиях в Петрограде и о том, что московские рабочие должны немедленно поддержать рабочих Петрограда, последовать их примеру—разбить мо-

сковскую буржазию и взять власть в свои руки. Рабочие «Каучука» с большим воодушевлением откликнулись на призыв Московского комитета большевиков, выразили решимость все как один стать под ружье по первому требованию и пойти в бой.

Тут же был избран военно-революционный комитет, в который вошли тт. Лазда Я. А., Булимов Ф. Ф. и пишущий эти строки. После собрания все рабочие были отправлены на квартиры с условием, что к 3 час. все желающие принимать участие в борьбе явятся на завод для разбивки на десятки и будут ждать дальнейших распоряжений районного военно-революционного комитета.

Следующий день прошел в ожидании. С утра и до 6 час. вечера у многих наших руководящих товарищей была уверенность, что командующий Московским военным округом полковник Рябцев сдастся без боя. Но ожидания эти не оправдались. Часов в 8—9 вечера 27 октября Рябцев первым начал бой.

До самого вечера мы не получали никаких указаний и инструкций. Мы разбили людей на десятки, назначили десятников. Я пошел в районный штаб. Член штаба т. Савельев А. (ныне покойный) дал некоторые указания и бегло сообщил, какие обязанности возлагаются на ВРК нашего завода.

Из 600 работавших в то время на заводе рабочих явилось 450, из них женщин—около 30 человек. Большая часть женщин была направлена в распоряжение районного штаба, где они все дни боя несли санитарную службу. Остальные же были включены в десятки. Всего у нас было 42 десятка. Из женщин я помню Пыркину, Юревич, Касперович, Баранову и др.

После организации десятков сейчас же стал вопрос, где взять оружие. Оружия в штабе не было, на заводе имелось только несколько винтовок для охраны завода; Юревич в тот же день принес из штаба еще 4 проржавленные берданки французского образца, без патронов. Вот с каким вооружением 450 каучуковцев вышли на площади и улицы Москвы в октябрьские дни на смертельную борьбу с буржуазией.

Оружие пришлось доставать везде: частью через районный штаб из 193-го полка, частью из конфискованных, вернее захваченных, 9 ящиков на Брянском вокзале и частью случайным порядком: снимали с убитых, забирали у отпускников с фронта, не желавших принять участие в боях. Характерно то, что мы тогда разоружали и отпускали на честное слово не только солдат, но даже и офицеров. Таким образом мы вооружили около 170 каучуковцев, которые все пошли сражаться на баррикады.

Остальная часть отряда, получив из 193-го полка саперный инструмент, под градом пуль производила саперные работы, строила баррикады. Со второго дня борьбы, т. е. с 28 октября, они же через юнкерские заслоны на 18 подводах заводского транспорта доставали и подвозили бойцам продовольствие. Недостача продовольствия в районе стала ощущаться на второй же день собы-

тий, а базы с продовольствием находились в руках юнкеров. Продовольствие доставляли из других районов, муку—большею частью с Павелецкого вокзала.

Но в боях участвовали почти все 450 красногвардейцев, на смену уставшим на баррикады шли новые товарищи. Каучуковские отряды участвовали во взятии интендантского склада на Крымской площади, во взятии штаба Московского военного округа, 5-й школы прапорщиков и Александровского военного училища. Ревком, состоявший из трех человек, в эти дни четко наладил свою работу и организовал десятки, Лазда заведывал транспортом, Булимов—охраной завода.

Кажется, в ночь на 29-е число мы были отрезаны от центра; юнкера задались целью совершенно нас разгромить: они пустили броневик по Арбату. Я пошел в районный штаб, который помещался в райсовете на Большой Царицынской. Мне дали задание во что бы то ни стало перерыть Плющиху и 4-й Ростовский переулок, чтобы не допустить броневик на Плющиху. Было темно, лил дождь. На заводе мы обычно держали человек 20—25, остальные уходили домой, но у нас были их адреса. Я собрал человек 15—20 красногвардейцев, и мы начали рыть. Мы перерыли почти всю Плющиху, когда из 5-й школы прапорщиков по нас дали несколько залпов; я скомандовал ложиться. В это время нас сменил отряд из Хамовнического штаба. Улицы были перерыты, броневик так и не мог подойти к Плющихе.

Шесть круглых суток 450 каучуковцев совместно с рабочими других заводов Москвы и солдатами под руководством большевиков дрались не на жизнь, а на смерть. Несмотря на трудности с вооружением, на недостаток военных знаний и стратегические преимущества юнкеров, мы все же на шестой день разгромили юнкеров. 2 ноября в 10 час. вечера военно-революционный комитет завода получил приказ и сообщение из районного штаба:

«Мы победили, юнкера сдались; прекратить стрельбу, бойцов держать в боевом порядке до особого распоряжения».

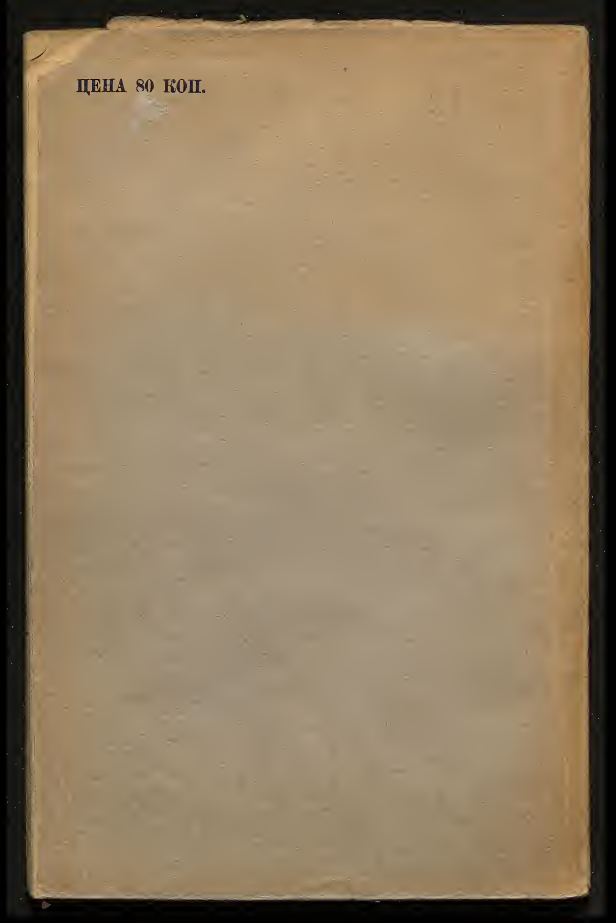
Содержание

Отв. редактор И. Ворошилин.
Оформлена 1-й бригадой по массовой книге.

Сдано в производство 21 декабря 1933 г.
Подписано к печати 26 февраля 1934 г.
Мособлит № 9082.
Моспартиздат 332. Тираж 20.000.
Формат 62 × 94 1/16.
6 п. л. 48.000 зн. в п. л.

Тип. изд-ва «Дер Эмес», Москва, Покровка, 9. Зак. № 1040.

ЦЕНА 80 КОП.